

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ПРОКЛЯТЫЙ МИР СОДОМА

В закоулках Мироздания - 4

16+

Юлия Маркова
Проклятый мир Содома

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Маркова Ю. В.

Проклятый мир Содома / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-1075-5

В мире-инферно, где вся власть в руках у жестоких магов, страдают остроухие женщины, которых специально вывели путем магического модифицирования. Все в этом мире абсурдно – естественные влечения человека осуждаются, но поощряются всяческие пороки. Но капитан Серегин со своей командой берется изменить этот мир к лучшему. Таинственный Дух Фонтана готов оказать помощь, но какова будет цена его благосклонности? Удастся ли снять с остроухих женщин заклятье, из-за которого они рожают только дочерей? Судьба готовит Серегину множество сюрпризов и неожиданных открытий, но главное – это то, что он окончательно превращается в бога оборонительной войны.

ISBN 978-5-5321-1075-5

© Маркова Ю. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 13	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Часть 13

Мир по ту сторону портала. День третий. Утро. Полевой лагерь Командир отделения разведчиков юная дева Агния

Три дня назад мы прошли в дыру между мирами и очутились здесь, под высоким, пронзительно-голубым небом и добела раскаленным жарко палящим солнцем, которое в полдень стояло почти в зените. Было очень жарко, и в то же время не так душно, как у нас там, дома. Место, в которое мы попали, оказалось всхолмленным плоскогорьем; окружающие нас обширные открытые пространства чередовались с небольшими озерами, быстрыми реками, текущими куда-то на восток, и все это перемежалось светлыми лесами образованными редко стоящими деревьями, верхушки которых уходили куда-то прямо в небеса.

На западе (Змей сказал, что это был именно запад) возвышались пики величественных гор, самые высокие из которых, несмотря на жару, были покрыты вечными снегами. Но эти горы находились так далеко, что выглядели призрачными голубоватыми тенями, и только в очень мощный бинокль можно было разглядеть их острые изломанные вершины и крутые склоны. Эта горная гряда выглядела намного внушительнее, чем те горы, которые мне доводилось видеть в моем родном мире. И вообще – я не люблю горы. Какое счастье, что нам туда не надо.

А надо нам было в другую сторону, на восток – туда, куда с небольшим уклоном к югу, сливаясь по пути, стекали местные бурные реки, и куда уводили заброшенные на нынешний день широкие и прямые, как стрела, мощные каменными блоками дороги, которые, как говорил Змей, весьма напоминали дороги его мира, предназначенные для быстрого передвижения большого количества тяжелых и быстрых повозок. Измерив шагами ширину такой дороги, я получила три десятка шагов, да еще пять, да еще полшага, а толщина каменного покрытия наверняка превышала мой рост. По крайней мере, эта выпуклая в середине и пологая к краям каменная лента выглядела такой несокрушимо надежной, что, казалось, простояла тут даже не века, а тысячелетия.

Не всегда эти дороги проходили прямо по земле. Иногда они врезались в тела холмов, ограниченные с обеих сторон мощными камнем откосами, а иногда возвышались над низинами на таких же циклопических насыпях с мощными склонами. Мосты, переброшенные через местные реки, были собраны из огромных тщательно обработанных брусев, вырубленных из местных деревьев, и давно должны уже были рассыпаться в прах – да так, что от них не осталось бы никакого следа. Но их берегли те же сохраняющие заклинания, что и саму Дорогу; и дорожное полотно, оборвавшееся у моста на одном берегу реки, неизбежно снова возникало на другом, и лента дороги от того места все дальше и дальше устремлялась на восток, к невидимому отсюда океану. Наша кавалерийская разведгруппа проскакала на восток несколько парасангов, пока не остановилась на таком вот исполинском мосту через крупную реку. Разведка пути на запад показала, что примерно через парасанг дорога упирается в защищенный сохраняющими заклинаниями небольшой город или крупную крепость, окруженную укрепленными посадами. Вокруг них видны почти стертые временем развалины, на которые не было наложено никаких сохраняющих заклятий. В самом центре замка или крепости, являвшейся сердцем этого места, находился большой каменный фонтан, из которого в небо била высокая артезианская струя. При этом создавалось впечатление, что все это – и замок, и город, и то, что ныне обратилось в развалины – было выстроены исключительно вокруг этого источника, который, по всей видимости, вполне мог являться магическим.

Змей сказал, что в его мире такие дороги строят с помощью тяжелой техники, а тут наверняка трудилось огромное количество рабов, поэтому местность вокруг наверняка усыпана их костями. И хоть с того времени, когда возникли эти дороги, прошло не одно тысячелетие, я

все равно ощущала ужасную ауру этого места – мне казалось, что тут надрывались и умирали не только здоровые и сильные мужчины, но также женщины и дети. Кроме того, строители применили к своему творению какую-то очень мощную магию, иначе чем можно объяснить чистое, как выметенное, дорожное полотно, с которого невидимый ветер тут же сметает всякую грязь и мерзость. Стоит только бросить на эту дорогу ветку или тряпку, как она медленно начинает ползти к ее краю, пока не окажется на обочине.

Что же понадобилось на этом плоскогорье строителям этих странных дорог, и почему они оказались ныне заброшенными? Быть может, этим путем на скрипучих многоколесных повозках вывозились огромные стволы местных гигантских деревьев, один из которых мы смогли обхватить руками, только собравшись целым взводом. А возможно, строителям была нужна не сама древесина деревьев-гигантов, а выделяемая ими прозрачная янтарно-желтая камедь, которая, если ее потереть, издает приятный и нежный аромат. Также не исключено, что им требовалось и то, и другое, а так же нечто еще, о чем мы пока еще не подозреваем. Вполне вероятно, что в расположенную на побережье столицу возили из того источника воду, которая может обладать какими-то уникальными лечебными или магическими свойствами.

В местных лесах редкие почти прозрачные кроны стройных пирамидальных деревьев находились очень высоко – как мне казалось, почти под самым куполом яркого неба. Под покровом этого странного леса было светло, почти как на открытой местности, только свет этот имел неяркий бледно-зеленый оттенок, и среди этого спокойного, приглушенного, приятного для глаз освещения скакали отдельные солнечные зайчики, напрямую прорвавшиеся через кроны деревьев, словно любопытные веселые духи. Заходя в этот лес, мы, амазонки, начинали испытывать нечто странное, как будто на нас кто-то постоянно смотрит – было такое чувство, словно все волоски не теле встали дыбом – весьма неприятное и тревожное ощущение. Однако ни разу никто из нас не смог обнаружить неизвестного наблюдателя. Правда, мы не заметили не только нашего неизвестного недоброжелателя, но еще и ни одного хищника больше собаки средних размеров. Похоже, тут обитали по большей части травоядные звери, часть которых была похожа на голокожих куриц, у которых вместо крыльев имелись уродливые руки. Размеры их при этом отличались разнообразием – попадались как великаны, флегматично объедающие верхушки деревьев, так и мелочь, которая шныряет по кустам, путаясь под ногами. А еще паслись большие стада тяжелых, четвероногих зверей, с тремя рогами на страшной голове. Одного такого мы убили из винтовок в самом начале. Вкус мяса слегка напоминает жесткую как ботинок курятину, хотя мы и старались вырезать самые мягкие места его тела. В дальнейшем мы предпочитали охотиться на птицеподобную живность среднего размера и игнорировать рогатых зверей. Пусть их ест кто-нибудь еще, а мы без пропитания не останемся.

Все же мы, дочери Кибелы, привыкли к необъятным привольным просторам степей нашего родного мира, по которым можно скакать хоть много дней подряд, где монотонная чуть всхолмленная равнина, несмотря на торчащие то тут, то там редкие деревья, открыта на парасанги вокруг, до самого горизонта. Здесь же, даже на открытом месте, взгляд все время упирался в стену деревьев, что на первых порах ужасно нас нервировало. Ведь если в этих лесах имеются те самые таинственные наблюдатели, взгляд которых мы все время ощущаем, входя под кроны деревьев, то они могут представлять для нас опасность. Известно, что так внимательно наблюдают, не открывая своего присутствия, только для того, чтобы внезапно напасть как раз в тот момент, когда меньше всего этого ожидаешь. Мы же не знаем, могут ли они выходить из леса, и если могут, то насколько далеко.

Постоянное ощущение опасности – это, знаете ли, не то чувство, которое хочется испытывать, и кое-кто из нас уже начал называть это мир проклятым. Но мы верили в себя, верили в нашего командира, а меня от постоянных неприятных мыслей еще спасало осознание того факта, что у нас с моим ласковым и нежным Змеем началось то, что он назвал «медовым меся-

цем». Да, все те ночи, которые я не была в карауле, я проводила в его палатке, не вылезая из горячих объятий любимого; и эти ночи действительно были для меня сладкими как мед.

Кроме того, наш лагерь был разбит неподалеку от этой странной дороги, на ровном лугу в излучине реки, которая защищала нас сразу с трех сторон, а четвертую сторону, прикрытую дорогой с ее магией, тщательно контролировали наши часовые. Тем более что на открытом месте это постоянное назойливое внимание таящихся в лесу существ совершенно не ощущалось. Но я повторю, что ни разу никому из нас так и не удалось обнаружить этих таинственных соглядатаев, и некоторые уже решили, что это здесь такие духи места – любопытные до назойливости, но совершенно безвредные. Другие же, наоборот, подобно мне, уверились в исходящей от них величайшей опасности. Кстати, на дороге взгляды этих странных существ тоже не ощущались, так что если мы пойдем по ней, то можем считать себя в относительной безопасности.

– Наверное, тут живут очень робкие и запуганные существа? – сказал мне Змей, когда ему, наконец, стали надоедать разговоры о духах места и прочая ерунда. – Это доказывает то, что их взгляды мы ощущаем только в лесу, так как они опасаются выходить на открытую местность, где чувствуют себя уязвимыми.

Мой милый очень добрый, и даже жалеет тех, кто за нами подглядывает; а я вот, напротив, злая, как и положено нормальной дочери Кибелы. Добренькие у нас не выживают. Кстати, Змею тоже не удалось обнаружить подсматривающих за нами «глядюнчиков», а ведь он понимает толк в лесной жизни гораздо лучше, чем мы.

– Не говори ерунды, мой милый, – сказала я, полная самых страшных подозрений, – эти существа ужасные, злобные, хитрые, подлые, мерзкие, гадкие и сволочные; и все, что они хотят, так это убить нас всех. Я совершенно четко ощущаю в этих взглядах невидимых существ неприязнь, а иногда даже лютую злобу и зависть; и многие мои подруги, у которых есть хоть небольшой магический талант, чувствуют то же самое.

– А я ничего такого не ощущаю, хоть тоже чувствую эти взгляды, – сказал Змей, – иногда это просто интерес, иногда любопытство, а иногда восхищение и даже вожделение – по счастью, женское. Мужского вожделения я бы не перенес, а так мне было даже немного приятно.

– Все правильно, мой милый, – ответила я, не показывая, что ревную, – наверное, дух этого места женского рода, и давно не видел на своей территории настоящих мужчин вроде тебя. В твой адрес он – точнее, она – испытывает любопытство, восхищение и вожделение, ибо невозможно не восхищаться тобой, а восхитившись, не вожделеть тебя. Нас же этот дух, ведомый чувством зависти и ревности, люто ненавидит и желает нашей смерти. Скорее бы уж сюда прибыли наши волшебники и полностью разобрались бы с этими любителями – а точнее любительницами – подглядывать за тобой и вожделеть. Уж я бы им патлы-то повыдергала...

– Какая ты грозная, моя милая Агния, – улыбаясь, сказал мой любимый и заткнул мне рот поцелуем. И правильно, лучше хорошо целоваться, чем плохо говорить. Уже скоро подойдут наши основные силы и уж тогда то мы все вместе и разберемся с этой странно скромной сущностью женского рода, которая смеет вожделеть моего любимого, и покажем ей, как надо любить Родину, а также чистить сапоги с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову. Для начала – у нас там сразу три богини, и если от Геры толку мало, так как она умеет только ябедничать и интриговать, то Лилия с Артемидой вполне способны вывести на чистую воду этот странный дух места. Кроме того, от пронизательного взгляда нашего обожаемого командира капитана Серегина не укроется ни одна, даже самая мелкая тварь, а Деметриос-Колдун, несмотря на то, что очень и очень молод, способен своим острым умом проникнуть и в самую загадочную тайну. В крайнем случае госпожа Анна сможет поговорить с этим духом места и убедить его оставить в покое наших мужчин, потому что иначе эта тварь будет иметь дело с самой Темной Звездой, а это ее явно не порадует.

* * *

Примерно там же и тогда же. Айна, предводительница клана Быстрого Взгляда

Проснувшись, Айна первым делом потянулась в истоме всем своим длинным гибким смуглым телом, на котором черный рисунок татуировки и светло-зеленые полосы и пятна маскировочной раскраски создавали тот странный узор, который делал свою обладательницу почти незаметной под пологом светлого леса, являющегося ее домом.

Айна видела прекрасный сон – будто она спит на этом ложе из травы и перьев птиц не одна, а обнимаясь с Производителем. Причем это был не тот старый и вялый Производитель, который уже давно исполнял свои обязанности крайне плохо, часто останавливаясь и не доводя дело до конца; а новый, совсем незнакомый ей – молодой и сильный. В ее сне он сжимал Айну в железном кольце своих рук, как игрушку; как будто Производитель может иметь свои желания, а не только выполнять прихоти своей госпожи.

Впрочем, старый Производитель, как бы плох он ни был, все равно помер две пары рук лун тому назад, и это было очень плохо. Нехорошая примета, когда Производитель умирает за исполнением своих обязанностей. Тогда сестры Айны выкинули тушку Производителя подальше от стоянки на поживу диким зверям, так как из-за своей крайней старости и ветхости она была уже непригодна для еды, и принесли в жертву Духу Леса ту свою сестру, на которой и умер Производитель – они вскрыли ей горло каменным ножом и выпили ее кровь. После чего, вкусив свежего кровавого мяса во время священной трапезы, они сели думать, что им делать дальше.

Все знали, что любой клан без Производителя обречен на гибель, так как женщины в нем перестанут беременеть и рожать, хотя и при старом Производителе дело тоже было не очень, и дети от него появлялись редко. Клану Быстрого Взгляда пора было добыть или выменять себе нового Производителя, что крайне затруднительно. Лишних Производителей не бывает, а за тех, что есть, ломают такую цену, что пока клан будет собирать такую прорву полезных вещей, он просто вымрет от старости. А клан Быстрого Взгляда, назначенный на то, чтобы следить за происходящим на Дороге и предупреждать об этом остальных, был очень небогат. Одним наблюдением большого благосостояния не заработаешь.

Производителя нужно было добывать – и добывать самостоятельно, без кооперации с другими кланами, потому что на тот момент новый Производитель больше никому нужен не был. Немного помедлив, сестры Айны решились и, собрав охотничью банду, самостоятельно выступили в военный поход, поставив целью напасть на одно из окраинных поселений нижних людей. В этом походе сестры Айны желали добыть себе одного или, благослови их Дух Леса, сразу двух Производителей, желательно еще и очень молодых, но уже половозрелых.

Поход в нижние земли сразу не задался. Началось все с того, что на границе верхних и нижних земель одна из сестер Айны, поскользнувшись, свалилась с обрыва. Сломанные ноги и одна рука в таких условиях выглядели как приговор судьбы, поэтому несчастную добились и съели. Потом еще одна сестра по неловкости провалилась в ловчую яму для тхоргов, насадив себя на зазубренный деревянный кол. Селение нижних людей было близко, и есть ту сестру Айны никто не стал, так как на это просто не оставалось времени. Нападение на селение прошло успешно, был захвачен вполне кондиционный производитель, но дальше снова начались неприятности.

Первой из них было то, что на хвост банде клана упала свора Волкодавов – отряд специальных пограничных солдат-лесовиков нижних людей, который охраняет границу между нижними и верхними землями и следит, чтобы соплеменницы Айны не воровали себе Производителей. Время от времени Волкодавы даже совершают ответные карательные рейды в верхние земли, бесхитростно убивая всех, кого встретят и забирая себе только скальпы соплеменниц

Айны, за которые им в нижних столицах выплачивают вознаграждение странными блестящими кружочками. При этом Айна знала, что детские скальпы у них ценятся значительно больше, чем скальпы взрослых – и именно потому, что маленькие девочки еще не успели родить никого себе на замену.

Захватившая Производителя банда принялась петлять, пытаясь сбить погоню со следа, но добилась только того, что ее настигла вторая неприятность. Видимо, вожак своры Волкодавов был опытной сволочью, потому что попытки сбить погоню со следа привели только к тому, что Волкодавы сумели обогнать сестер Айны и устроить засаду на тайной тропе у водопада. В этой засаде погибли как двое из сестер Айны, включая старую предводительницу, так и только что добытый Производитель, который уже смирился со своей участью и шел с сестрами Айны почти добровольно. Это можно было назвать полным разгромом. Клан Быстрого Взгляда не только не добыл себе искомого, но еще и понес потери, на треть уменьшившие его охотничьи возможности. Именно тогда, несмотря на свою молодость, Айна и стала новой предводительницей, и теперь именно она должна была вершить будущее клана, оказавшегося под угрозой уничтожения.

И вот теперь, когда в их лес пришел какой-то чужой клан, со своим Производителем, имело смысл попытаться взять реванш за ту неудачу. Тем более что сестры чужого клана в лесу были неуклюжи как слепые щенки. Можно было действовать сразу, но Айну будто что-то останавливало. Сестры этого клана совсем не походили на ее соплеменниц ни внешностью, ни обычаями, а находившийся среди них представитель мужского пола даже отдаленно не напоминал нормального Производителя – он вел себя так, будто это он был их Предводителем и одновременно Производителем. Как будто вожак своры Волкодавов сошел с ума, сменил ориентацию и, воспылав тягой к лицам противоположного пола, перекинулся к народу Айны, для того чтобы возглавлять их военные предприятия и между делом выполнять обязанности Производителя, делая им дочерей. О таком не говорилось даже в самых старинных легендах обитавшего на плоскогорье народа – по крайней мере, Айна такого не слышала. Правда, обязанности Производителя этот странный предводитель выполнял только по отношению к одной сестре того клана – но кто его знает, может, так там принято, и когда она забеременеет, он переклочится на другую.

Незнакомое – значит опасное, думала Айна и кружила вокруг чужаков, пытаясь разгадать их секреты. Вскоре стало ясно, что, несмотря на всю свою неуклюжесть в лесу, чужачки отнюдь не будут легкой добычей. Тем более что палки, которые они постоянно таскают с собой, способны выбрасывать смертоносный гром, способный уложить на месте даже матерого самца тхорга, от которого, впрочем, охотницы чужого клана взяли только самые деликатесные части, оставив все остальное соплеменницам Айны. Давно уже клан так не пировал, потому что мяса было очень много, и надо было съесть его, пока оно не испортится. Риск при нападении на такой опасный клан был совершенно неприемлемым, и Айна решила продолжить наблюдать и обдумывать свои планы.

Кроме всего прочего, на открытой местности, прибрежных лугах и лесных полянах преимущественно переходили уже к пришелицам, которые сразу замечали каждое шевеление в траве. Они не боялись Проклятой Дороги, которая внушала соплеменницам Айны мистический ужас, а эти пришедшие издалека ходили по ней ногами, и скакали на лошадях так смело и непринужденно, будто сами были ее строителями. А еще Айна подумала, что этот клан, вошедший на их земли, может быть только первым из множества других, движущихся сюда тем же путем. Иначе почему они никуда не уходят, а только разбили лагерь и совершают из него во все стороны вылазки разной продолжительности, как будто осматривая местность, но не собираясь заняться ничем иным? Ведь вариантов достаточно – двигаться дальше, или вверх в горы, или вниз в Нижние земли.

На крайний случай, если чужачки не собираются оставаться тут надолго, Айна была уже готова вступить с ними в переговоры и попросить, чтобы, пока они топчут чужую землю, в качестве платы их Производитель обслуживал бы и ее сестер. Но она не знала, как им это сказать, поскольку чужачки не понимают человеческого языка, и чуть что плюются своим громом. Если она выйдет на переговоры, то не успеет она раскрыть рот, как грохнет гром и предводительница клана Быстрого Взгляда будет мертвой, как тот тхорг. Тут надо думать, чтобы проделать все верно, точно и без ошибок. Еще таких же потерь, как и в том походе за Производителем, клан просто не переживет.

* * *

**Мир «Подвалов». День пятьдесят первый. Раннее утро. Лагерь отряда капитана Серегина возле контейнеровоза
Капитан Серегин Сергей Сергеевич**

Полки – и тевтонский, и овечек – были уже построены в коробки, а из повозок обоза сформирован конвой. Тем временем наша пятерка магов уже собиралась вместе в голове этой парадной колонны для того, чтобы приступить к открытию полномасштабного портала, который за минимальное время сможет пропустить на ту сторону максимум народа, обоз и штурмоносца. Для этого диаметр его сферы требовалось растянуть достаточно широко – не менее тридцати метров. Наконец настал тот момент, когда мы должны были активировать внутренние связи в пятерке, после чего я, достав из ножен меч, поверну ключ, запуская закливание портала с такими заранее заложенными в него Колдуном координатами выхода, чтобы наша походная колонна выходила по ту сторону прямо на обнаруженную в тех краях дорогу.

Вдруг на востоке от нас, километрах в двух или в трех, где только что безмятежно синело небо с восходящим солнцем, появились стремительные клубящиеся – буквально кипящие – черные тучи с ветвящимися среди них бледно-фиолетовыми молниями. Каждая часть моего воинства отреагировала на это явление по-своему. Амазонки подтянулись, как гончие, вставшие в охотничью стойку, тевтоны ошетинились копьями и мечами, а овечки и обозные сервы испуганно загомонили, сбившись в бесформенные толпы. Все-таки «овечки» – это пока еще никакая не ударная сила, и даже не пушечное мясо, а просто неуправляемая биомасса, которой не хватает жестких и грамотных взводных, ротных и батальонных командиров.

– Это магическая гроза, дорогой папочка, – сказала подошедшая ко мне Лилия, – и очень неслабая. Что-то крупное готовится упасть прямо на наши головы.

В последнее время она частенько начала называть меня своим дорогим папочкой – наверное, противопоставляя меня как своему неведомому биологическому отцу, который только и горазд был осеменить ее мамашу Венеру-Афродиту, так и своему официальному отцу Аресу, который регулярно выписывал ей колотушек за всякие мнимые и настоящие грехи, при этом совершенно не исполняя прочих отцовских функций, важных для любого ребенка. И пусть ребенку уже тысяча лет, но менталитет у Лилии все равно подростковый, потому ей так приятна та немудреная вербальная поддержка, которую я ей время от времени оказываю, говоря о том, какой она хороший врач и незаменимый специалист.

Кстати, если кто тут и разбирается в магических грозах, так это три богини из моего отряда: Лилия, Гера и Артемида. Причем Лилия разбирается в них даже больше, чем остальные две богини, вместе взятые, потому что с тех пор, как она встала на ноги, она стала удирать из дома, и любимой ее забавой было шататься меж мест силы, разыскивая обломки чужих цивилизаций, выброшенные в этот мир магическими грозами.

– И что мы должны делать, дочка? – в тон ей спросил я, – сражаться до последнего или спастись бегством?

– Да нет, – сказала Лилия, – спастись бегством не надо, и сражаться тоже. Почему-то мне кажется, что то, что должно выпасть на наши головы, нам совсем не враждебно. По крайней мере, на это сперва надо поглядеть, а только потом объявлять о своих намерениях.

Я отдал Кобре команду выслать к эпицентру грозы верхами дежурный взвод амазонок во главе с Доком, а всем остальным, в том числе и штурмоносцу, продолжать находиться в полной готовности. Открытие портала для межмирового перехода пока откладывалось. Прежде чем уходить, надо сперва выяснить, что же такое валится на наши головы из горних космических высей – то есть из верхних миров, так богатых на неожиданные сюрпризы. Впрочем, Кобра, Птица, Колдун и Анастасия с такой же тревогой, как и я, всматривались в сторону развертывающейся климатической коллизии. Вот что значит заранее строить планы, которые могут запросто обломать то ли нелепая случайность, то ли прямое божественное вмешательство. О последнем я подумал, наблюдая странное спокойствие отца Александра.

Гикая и пришпоривая коней, амазонки сорвались с места и в галопе унеслись в сторону грозового эпицентра. Но я знал, что все это показуха для начальства, то есть для меня, их обожаемого командира. Немного отдалившись, они переведут коней на более спокойную рысь и так доскачут до нужного им места. Во-первых, незачем зря палить коней, а во-вторых, даже амазонки, привыкшие есть печень врага с кончика меча, не хотят лишний раз попадать под дождь, тем более под магический. Кстати, посылать туда тевтонов мне почему-то совсем не хотелось. Было, знаете ли, предчувствие, что этих немецкоговорящих кригскамрадов в черном там могут неправильно понять.

* * *

Мир «Однажды в Октябре». 16 августа 2016 года. Около полудня. Иркутская губерния

Командир 1-й роты Иркутского егерского училища имени генерала Бессонова майор Красной Гвардии Игорь Петрович Половцев

Полноприводные трехосные тентованные «Медведи» натужно выли своими турбинами, пробираясь по насмерть разбитому тяжелыми лесовозами таежному проселку. Несмотря на одолевающую усталость, майор Половцев был вполне доволен собой. Выпускная рота – его питомцы, будущие офицеры сибирских егерей, наводящих ужас на британских командос и американских «морских котиков», только что вполне успешно сдали трехсуточный зачет по тактическому десантированию, с опережением графика пройдя больше ста километров по непроходимой тайге, выполнив все двенадцать заданий и не потеряв по пути ни одного человека.

А вот с возвращением с полигона в Иркутск у роты как-то не задалось. Все последние дни над Иркутской губернией стояла жаркая, до плюс тридцати пяти, и очень душная погода, и даже ночь не приносила облегчения. И вот сегодня с утра на северном горизонте замаячили черные грозовые тучи и погромыхивающие раскаты донесли весть, что природа решила наконец выровнять баланс жары и холода, как это обычно бывает – в компенсацию за несколько дней душной и жаркой погоды разразившись короткой, но яростной грозой.

Застань такая гроза роту на маршруте – неприятностей было бы больше чем достаточно, а так курсанты-выпускники и их командиры вполне могли с оптимизмом смотреть на надвигающееся стихийное бедствие из-под плотных прорезиненных тентов тяжелых армейских грузовиков. Подумаешь, придется полностью задернуть и зашнуровать тент над задним бортом и посидеть немного в кузове при свете тусклой электрической лампочки. Зато проходимость «Медведей» ничуть не уступала проходимости основных танков прорыва, и никакого риска застрять на дороге просто не существовало..

Правда, последние полвека танки уже не играли той роли, как прежде, и на первый план в военном противостоянии Великих Держав вышли специализированные войска. Такие как они, сибирские егеря – так называемые «зеленые береты», предназначенные действовать во всех видах лесистой местности от приполярной тайги до экваториальных джунглей.

Тем временем погода портилась все сильнее и вот уже от накативших туч потемнело настолько, что водители «Медведей» включили мощные фары, в вершинах елей оглушительно завыл штормовой ветер, а с неба после первых капель дождя под оглушительные раскаты грома и ярчайшие взблески молний хлынул такой ливень, что казалось, океан встал вертикально и обрушился на медленно ползущие по таежной просеке грузовики. В плотных струях дождя вязли и лучи фар, и взгляды водителей, уже на расстоянии вытянутой руки не видевшие ни зги перед капотом. Потом полыхнула такая молния, сопровождаемая сокрушительным грохотом грома, что и водители, и сидящие рядом с ними в кабинах старшие машин на какое-то время оглохли и ослепли. Но это уже был совсем другой мир и другая история.

* * *

Мир «Подвалов». Точка перехода. Майор Красной Гвардии Игорь Петрович Половцев

Сразу после удара молнии грохотание грозы внезапно прекратилось, струи дождя начали редеть. Вскоре прозревшие, но все еще немного глухие майор Половцев и его подчиненные: капитан Воронков, капитан Зиганшин, старший лейтенант Ступицын, старший лейтенант Карпов, а также водители машин вдруг обнаружили, что «Медведи» невесть каким образом катят уже не по таежному проселку, а по открытой во все стороны степи – точнее саванне – потому что среди пустого пространства имеют место редкие, но очень высоки и раскидистые деревья, вроде акаций. При этом впереди, прямо по направлению хода их колонны, виднеется яркосиняя гладь моря. Не самое приятное открытие, если учесть, что оттуда, со стороны моря, к ним скачут два десятка вопящих и размахивающих оружием всадников. При этом еще большее их количество густой темной массой угрожающе шевелится на морском берегу, где в придачу ко всему еще отблескивает полированным металлом нечто вроде лежащей на земле большой сплюснутой капли...

Развернувшись из колонны в линию, «Медведи» остановились и из их кузовов, бряцая оружием (жаль, патроны только холостые), начали вываливаться курсанты, обалдевшие от открывшегося им зрелища степи и мчавшихся прямо на них дико вопящих всадников. Впрочем, пардон – всадник в этой компании был только один, он же командир-предводитель, остальные, к удивлению курсантов и их командиров, оказались длинноволосыми и сисястыми (в значительной своей части) всадницами. Вот предводитель всадниц, откинувшись в седле назад, сжал своему коню бока шенкелями и натянул повод. Вслед за своим командиром начали осаживать коней и его подчиненные. Когда великолепный вороной дестрие командира всадниц замер неподвижной черной скалой метрах в ста от присевших на одно колено и целящихся в него курсантов, предводитель поднял вверх правую руку с раскрытой ладонью в знак внимания. Мгновенно наступила такая тишина, что стало слышно, как шелестит в степи ветер.

– Не стреляйте, – почему-то по-русски выкрикнул всадник, – мы пришли с миром.

– Как пришли, так и уходите, – выкрикнул майор Половцев первое, что пришло ему в голову.

Правда, потом он немного подумал, понял, что погорячился, и добавил:

– Слушай, мужик, что это за хрень тут творится, где мы находимся и кто ты вообще такой?

– А ты кто вообще такой? – ответил всадник вопросом на вопрос.

– Нет, сперва ты скажи, кто ты такой и что это за место? – настаивал Половцев.

– Это не мы к тебе свалились, а ты к нам, так что отвечай! – парировал предводитель всадниц.

Майор Половцев пожал плечами, признавая правоту оппонента. Вообще-то глупо было грубить незнакомцу и нарываться на неприятности, когда в рожках автоматов Федорова у его курсантов только холостые патроны. Да и были бы они боевыми, не стал бы он ни за что стрелять в женщин – вон какие милашки строят глазки его курсантам. К тому же не одни они здесь – вон там, километрах в полутора, народу не меньше чем на пару полков, и любая ненужная грубость может обернуться большими неприятностями. Конечно, можно попрыгать в машины и попробовать отступить, но майор Половцев еще не знал, куда отступить в этом незнакомом месте, в котором они так внезапно появились.

– Майор Красной Гвардии Половцев, – крикнул он, – ротный командир Иркутского егерского училища...

– Сержант Бибин, товарищ майор, позывной «Док», – ответил предводитель всадниц, – Силы Специального Назначения Российской Федерации. В настоящий момент исполняю обязанности взводного командира у этих вот красавиц...

– Слышь, сержант, – выкрикнул майор Половцев, – а поглавнее тебя тут никого нет?

– Как же не быть, товарищ майор, – ответил сержант Бибин, – главнее меня здесь капитан Серегин и штурм-капитан Волконская, а также сам Отец Наш Небесный, но как раз он не с каждым будет разговаривать. Вам кого вообще позвать-то?

– Наглый ты, сержант, – усмехнулся майор Половцев, – зови всех троих, а если Отец ваш небесный не захочет со мной разговаривать, то и не надо. Обойдусь и двумя капитанами.

Сержант достал из нагрудного кармана небольшую коробочку и заговорил в нее, тем временем всадницы, пустив коней шагом и не обнажая оружия, как бы ненароком приблизились к начавшим немного нервничать курсантам. Ну а что ты будешь делать, когда, сидя в седле как влитые, к тебе подъезжают эдакие крали – с ногами, растущими прямо от шеи, с тугими грудками, дерзко выпячивающимися вперед из-под полевого камуфляжа. В то же время у каждой из них на левом бедре прикреплен прямой остроконечный меч, а поперек груди, наискосок, чуть ниже сисек, висит автомат, который, к удивлению майора Половцева, как две капли воды похож на автоматы Федорова, которые сжимали в руках его курсанты.

– Какие красивый мальчик, Ия! – со странным акцентом произнесла одна из всадниц, которую тоже никто не назвал бы дурнушкой.

– Да, Кира, – ответила та, которую назвали Ией, – очень красивый мальчик. И сладкий, наверное. Будет жаль, если мы уйти, а он остаться.

– Эй, сержант, – крикнул майор Половцев, – а чего это бабы хотят от моих парней?

– Это не бабы, – крикнул тот, – а амазонки, самые настоящие. Вы бы еще, товарищ майор, Афину-Палладу бабой называли, или сестру покойника Аполлона Артемиду. А хотят они только одного – настоящих мужчин, чтобы зачать от них полноценное, здоровое и сильное потомство, как это и положено порядочным дочерям богини Кибелы. Тут с качественными мужчинами большой напряг и нехватка.

Майор Половцев хотел еще что-то сказать, но тут сплюснутая металлическая капля легко и беззвучно оторвалась от грунта, и, развернув свой нос в сторону его людей, бесшумно заскользила над землей. Сперва майор заподозрил в этой штуке такую разновидность дирижабля, но потом отказался от этой мысли. Чувствительный боковой ветер не оказывал на этот аппарат никакого влияния, и когда он приблизился, стало видно, как некая неведомая сила пригибает под ним степную траву, буквально впредссывая ее стебли в землю. Но и это все были цветочки. Настоящий шок у майора Половцева был еще впереди.

* * *

Там же и тогда же. Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Майор Красной гвардии Половцев, как и положено кадровому военному, был твердо-лоб, недоверчив и тугодумен. С одной стороны, это я так шучу, а с другой стороны, эти три качества можно назвать чуть ли не основными для любого офицера в войсках, который должен не фантазировать, а буква в букву выполнять Уставы и Наставления, потому что они, как правило, написаны кровью. Такие командиры, как я, в армии товар штучный и встречаются крайне редко. В тылу врага не до уставов – лишь бы выжить и выполнить задание, однако и работаем мы не со срочниками, и даже не с контрактниками и курсантами, а с отборными бойцами, элитой элит, которым надо ставить задачу и спрашивать результат, а все остальное они сделают сами.

Кстати, тот мир, из которого происходит майор Половцев и его курсанты, я вычислил на раз. Существование Красной гвардии могло зафиксироваться только при изменении истории в 1917-м году, и это был в принципе последний описанный отцом Александром искусственный мир, от которого мы тут в «подвалах» не имели никаких материальных свидетельств существования. Вот так – не было ни гроша, и вдруг алтын. Очень неплохое подспорье – сто курсантов-выпускников егерского училища, и пять их командиров-наставников.

Правда, сперва майор Половцев не поверил, что мы в другом мире, потом не хотел никуда из него уходить, ожидая, что за ними сюда явится спасательная экспедиция. Мол, так по инструкции положено, чтобы потерпевшие крушение предпочтительно оставались на том же месте, чтобы их легче было найти. И длилось это до тех пор, пока я ему популярно и на пальцах не объяснил, что межмировой провал – это не обычное крушение поезда или самолета, а явление, в принципе выписывающее билет в один конец, и что мы – это их последний поезд отсюда, и что следующего им придется ждать еще целую вечность или две. Это открытие, когда он в него поверил, стало для майора настоящим шоком, заставившим его согласиться на эвакуацию.

Но и это было еще далеко не все. Уже согласившись присоединиться к нашей команде, майор Половцев начал оспаривать мое старшинство, упирая на то, что он старше меня по званию, и что из-за этого я должен подчиняться ему, а не он мне. И при этом он никоим образом не представлял себе ни задачи, которые перед ними стояли, не знал моего личного состава и не имел у него авторитета, заработанного совместными боями и кровью врагов.

В принципе, мне были нужны его курсанты, и немного меньше – взводные командиры, но не был принципиально нужен сам майор Половцев. Но при этом надо учесть, что в армейской среде нет никакой демократии, и я не мог обратиться к курсантам через голову их командира с призывом присоединиться ко мне, а не остаться со своим прежним командиром, хотя и остро чувствовал такое желание. В то время пока мы вели бесплодный спор, время шло, и Змей со своим взводом на той стороне продолжал ждать нашего появления, которое и так уже было просрочено больше чем на два часа.

И тут мне на помощь пришел отец Александр, который тихо стоял в стороне, как бы присутствуя на этих переговорах, но в то же время будто бы полностью от них отстранившись. Скорее всего, в дело вмешался патрон нашего священника, потому что Лилии, Птицы или Колдуна, которые могли сделать то же самое, поблизости просто не было. Майор Половцев вдруг вздрогнул, поперхнулся на полуслове, а потом неестественно спокойным голосом сказал:

– Хорошо, товарищ капитан, я буду подчиняться вам до тем пор, пока мы не попадем в наш родной мир.

– Т-с-с, Сергей Сергеевич, – сказал мне отец Александр, – этого человека не переспоришь, он свято уверен в своей правоте. Но я внушил ему, что вы имеете прямое отношение к

тем людям, которые организовали в том мире Красную гвардию, а к ним он испытывает священное благоговение. Могу вас успокоить – вы и в самом деле имеете к ним определенное отношение, пусть даже вы и не знали их лично; так что убеждения майора Половцева не являются ложными. Но все равно все эти убеждения являются очень ненадежной вещью – сегодня убедился, завтра разубедился, так что пока есть время, перехватывайте авторитет у его бывших подчиненных.

Если сначала я планировал сделать этого майора командиром бригады, где командный состав был из его мира, а рядовые и сержанты были бы набраны из «овечек», то теперь у меня такое желание пропало. Максимум, что можно было бы возложить на этого человека – должность начштаба. Бригадой «овечек» придется командовать мне самому, включив в нее роту амазонок на правах разведывательно-ударного подразделения. Впрочем, все эти вопросы можно будет решить и потом, а сейчас важно, чтобы курсанты наконец погрузились в свои грузовики, которые будут бегать, пока в их баках еще есть топливо, и те полным ходом направились бы в наш, и так уже стоящий на ушах, лагерь. И вообще – время не ждет, а мои люди, как и тевтоны, уже издергались в томительном ожидании.

* * *

Ася, она же Асель Субботина, она же «Матильда»

Хорошо, до чего же хорошо... Какая интересная у меня жизнь! Что ждало меня там, в родном мире? Мы вернулись бы из лагеря в наш детдом, и потянулись бы унылые, скучные дни, похожие один на другой. Школа, двойки, окрики, нотации, запреты, наказания, противные рожи детдомовских работников, пресная еда, завистливые подружки, глупые мальчишки... Снова бы я видела всю жестокость и несправедливость, всю безнадегу и серость той жизни. Опять начались бы пустые мечтания...

Сейчас мне спокойно и радостно. Именно эта жизнь – в другом мире – кажется мне настоящей, а та, прежняя, представляется полузабытым сном. Если поначалу мне было страшно, то теперь я совершенно довольна и счастлива, я понимаю, что пережить такое – все равно что выиграть в лотерею миллион долларов. Интересно, только я так чувствую, или остальные тоже? Больше всего меня интересует, что думает по этому поводу Митька. Но я никогда не спрошу его об этом. Почему-то мне кажется, что он просто не подает виду, а сам очень скучает... По дому, по маме с папой, по братишке. Иногда он рассказывает о них – увлечется, а потом резко так смолкает и замирает, сумрачно глядя в одну точку. Я и не пристаю, веду себя деликатно, понимаю, каково ему – точнее, догадываюсь. У него хорошая семья. Наверное, если бы я имела такую семью, умерла бы уже от тоски по своим родным. Даже страшно представить, как это – вдруг разлучиться с ними надолго, не зная даже, вернешься ли назад... Поэтому мне легче. Мне не о ком скучать. И по мне никто не тоскует. И, по правде говоря, не очень-то меня тянет обратно, в наш мир...

Да, все хорошо и прекрасно, лишь одно ужасно огорчает – у меня нет никакого магического таланта... То есть абсолютно. Здесь, в магических мирах, где почти у каждого третьего открываются сверхспособности, я по-прежнему являюсь обыкновенной девочкой... Одно утешает – у Митьки таких способностей столько же – то есть ноль. У Янки, кстати, тоже. Если бы они у нее были, я бы от зависти умерла, а так мы прекрасно с ней дружим. Она у нас вроде сестры милосердия – всем помогает, всех утешает. Для каждого ласковое слово найдет. Странная она вообще, Янка. Она всегда была добрая и простая, поэтому нелегко ей в детдоме жилось. Там свою доброту нельзя показывать – сразу сожрут. А здесь развернулась Янкина натура во всю свою широту; и, похоже, ее качества и душевные порывы в нашей команде вполне востребованы. А уж как она изменилась – это вообще отдельный разговор. Я-то ее каждый день вижу, но, наверное, если бы ее сейчас вдруг увидел кто-то из детдома, не узнал бы. Куда делась

та робкая, вечно сутулая, бледная, худая девочка с кругами под глазами... Янка явно поправилась, на ее округлившись щеках появился розовый румянец; она стала намного уверенней, а самое главное – выправились ее осанка. Лечебные сеансы Лилии сотворили чудо с Янкиной спиной, и от искривления не осталось и следа. Избавившись от приступов мучительной боли, моя подружка повеселела и стала похожа на яркий теплый огонек, у которого все рады погреться – и бывшие «овечки» (эти девочки-скелеты), и маленькие дети (включая малышку-чертовочку) и даже удивительные русалки, которых все почему-то называют нереидами (по мне, так особой разницы нету). Эти русалки прибились к нам, когда Ника прикончила какое-то там морское божество, которое сердилось на этих морских девушек. Интересно было на них поглядеть. Красивые такие – прям как на картинке. Только жалко их до ужаса было – они все жалась друг к дружке, бедные, и стонали так жалобно, и перекликались какими-то странными звуками... Я даже чуть не расплакалась, на них глядя – и ушла поскорее, пока сердце не разорвалось. А Янка сразу ухаживать кинулась. Она у них была вроде санитарки, помогала нашей Лилии. Хоть Лилия моя подружка, а только кровь я не люблю. Ведь некоторые русалки были ранены – и эти двое делали им перевязку. Да, между прочим, я обратила внимание, что у Лилии на халатике красуется удивительная брошка. Потом я выяснила, что это Димка, Колдун наш, сделал такое прикольное украшение – сам, своими руками, под руководством Анны Сергеевны. Ну что ж, значит, он еще не забыл, что является не только великим магом, но и обычным мальчиком, и помнит, что сделать что-то можно не только при помощи магии, но еще при посредстве рук, воображения, и с использованием подручных материалов. Эта мысль отчего-то меня сильно обрадовала. А то мне уж стало казаться, что Димка зазвездился.

Ах да, нельзя не отметить еще одно событие – как знаменательное, так и приятное. Нам удалось неплохо прибахлаться – ну, то есть, «сменить гардероб», как выражается эта фифакняжна. Там где-то, оказывается, нашли какой-то корабль, который сюда попал из другого мира, вроде нашего, а на нем – много-много контейнеров с грузом, и чего в них только нет... Я сама не видела, но так говорили. И Анна Сергеевна кое-что для нас там откопала. Шмотки вообще классные! Я в детдоме даже мечтать о таких не могла. Ну, приделались мы все, включая чертовок, которые с удовольствием избавились от тех неумело намотанных на себя кусков ткани, которыми им приходилось довольствоваться до этого. А уж какие рожи у всех довольные были! И ведь действительно счастье, ведь наша-то одежда уже сильно поистрепалась. У меня вообще шорты порвались в трех местах – прямо неприлично... И цвета стали уже не красного, а пыльно-бурого. Так что я с большим удовольствием переделалась в стального цвета лосины и длинную фиолетовую, слегка большеватую мне, рубаху – очень удобный походный наряд. Ну а обувь нам всем выдали похожую – что-то типа кроссовок. Ну, мальчишки, конечно, от восторга не прыгали, но заметно было, что и они рады обновкам. Митька мой облачился в красную футболку и светлые джинсы, а Димка выбрал бледно-зеленый, отделанный оранжевым, костюм – рубашку и шорты – с множеством карманов. Также каждый из нас взял по рюкзаку, и только Митька не захотел расставаться со своим, взятым еще в лагере, любимым рюкзаком – даже несмотря на то, что тот был довольно грязным и потрепанным, он, хмурясь и пряча глаза, сказал, что этот рюкзак подарил ему папа.

Несмотря на эти радостные моменты, я пережила немало тревожных минут с тех пор, как нашу компанию пополнили странные краснокожие с рогами и хвостами – мать и три дочери. Дело в том, что средняя девчонка, по имени Тел, решила прибиться к нам с Митей – и это мне категорически не понравилось. Соперницу терпеть я не намеревалась. К счастью, как она ни крутила перед моим Митькой хвостом вместе с обтянутой джинсами попой – тот не поддался на ее сомнительные чары. Даже наоборот – смотрел на нее с некоторой опаской и все время старался держаться на почтительном расстоянии. Так что ей повезло, что она не в его вкусе. Не придется мне с ней драться, пусть живет... Так я с облегчением рассуждала, хорохорясь перед самой собой, в то же время вполне отдавая себе отчет, что бороться с деммой было

бы чревато самыми печальными последствиями – причем именно для меня – и дело даже не в том, что вся их порода владеет магическими навыками. Статная деммка, одетая в черную борцовку и бриджи, выглядела внушительно – она была крупней меня, мускулистее, голову ее украшали не какие-то игрушечные, а самые всамделишные – твердые и заостренные – рога, а хвост напоминал упругую чуткую плеть, подрагивающую от малейшего раздражителя.

Хвостатая, однако, вскоре переключила свой интерес на Димку. Тот от нее не шарахался – наоборот, выказывал всяческое дружелюбие и расположение. Видно было, что он проявляет к ней искренний интерес, и его ни капельки не смущает ее экзотическая внешность. Я с удовольствием наблюдала, как они прогуливаются по вечерам вдвоем, идя чуть впереди нас с Митькой – чинный, спокойный Димка и она – порывистая, словно язык пламени – деммка. При этом наш юный маг тихим и ровным голосом что-то говорит, а она отвечает ему звонким вибрирующим щебетом... словом, красивая пара.

Ну, а поскольку, как говорила одна нянечка в детдоме, «Бог троицу любит», вскоре появилась у нас и третья красивая пара. Причем пара официальная – свадьба была такая, что дым стоял коромыслом, как выражалась та же самая нянечка. Это – мой бывший жених капитан Серегин и Волконская (тут ее все княжной называют, но я считаю, что это глупо – фи, подумаешь, княжна! У нас тут это самое... демократия – вот). Видя, как мой жених (пусть даже и бывший) женится на другой, я испытывала самую искреннюю радость за них. Странно – ведь, по идее, я должна была хоть немного злиться. Уж это так всегда – отошьешь, бывает, парня, и не вспоминаешь о нем; а зато когда увидишь потом с другой, сердчишко-то екает и обидно как-то... Но как бы то ни было, я с удовольствием смотрела на новобрачных, которых венчал отец Александр, и представляла в этот момент, как когда-нибудь и мы с Митькой будем так же торжественно жениться... Ну а пока нас ждет еще много удивительных приключений, интересных встреч, суровых испытаний и блистательных побед.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

Наша миссия в этом мире подошла к концу. Одной ногой мы еще находимся здесь, завершая некоторые необходимые дела, а другой – уже там, в другом, неведомом мире, предвкушая и предчувствуя новые свершения, на которые толкает нас воля Провидения. Мы похожи на людей, что переселяются в другую квартиру – какие-то вещи проданы, какие-то упакованы; все решено окончательно, и собственность на новое жилье оформлена, и нет пути назад – и вот мы сидим на чемоданах, озирая голые стены и мысленно прощаясь с этим жилищем; и в памяти при этом сами собой всплывают наиболее значимые моменты, вызывая самые разнообразные чувства. И немного жаль покидать эти стены, с которыми связано так много, но в то же время так сладок и заманчив Зов Перемен, что нет сил ему противиться...

Наверное, каждый из нас сейчас мысленно подводит итоги. Вот и я, имея теперь, перед окончательным и необратимым прыжком, достаточно времени для размышления и анализа, расслабленно и неторопливо предаюсь своим думам. Казалось бы, давно ли я была сотрудницей детского летнего лагеря «Звездный путь», не помышлявшей ни о каких приключениях, не верящей в магию? И вот – прошло всего два месяца с начала нашей роковой эскапады – а кажется, что я прожила целую жизнь. И совсем не в том дело, что жизнь эта была заполнена событиями и хлопотами. Просто я чувствовала, как сильно изменилась я сама и мое восприятие всего окружающего.

Первое и самое важное – я стала сильнее. Сильнее духом – а это значит, что из меня выветрились остатки застарелых комплексов, а горизонты восприятия неимоверно расширились. Кроме того, из моей головы улетучились ложные представления – даже представления о

самой себе. В собственной личности я обнаружила черты, прежде не замечаемые мной – такие, например, как жесткость и решительность. Претерпели некоторые изменения мои понятия о дружбе, коллективизме, ответственности, и о многом другом. Не скажу, что это были фундаментальные изменения, ведь суть моя осталась прежней. Но люди, бок о бок с которыми мне довелось вершить дела в этом мире, оказали несомненное влияние на меня – и они, хвала Небесам, были поистине достойными людьми... И еще я могу с уверенностью сказать, что и они тоже изменились за то время, которое мы пребывали в этом мире.

И особенно это взаимное проникновение было заметно в нашей магической пятерке – мы все почувствовали это, не могли не почувствовать. После того, первого сеанса открытия межмирового портала мы стали будто бы одним целым. Трудно это объяснить... Мы без напряжения стали слышать мысли друг друга; и не только мысли, даже чувства и эмоции – стоило только настроиться на волну объекта. То есть, мы, составляя что-то вроде единого организма являлись в нем разными органами, дополняя друг друга – и каждый был важен и незаменим. Каждый что-то взял у своего товарища, но в то же время и что-то отдал. Это ощущение могущества в единстве наполняло меня трудноописуемым чувством приобщенности к чему-то великому и загадочному, и в то же время вселяло спокойствие и уверенность. И откуда-то я знала, что теперь эти связи разорвать невозможно, ибо запечатлены они печатью Вечности на челе Мироздания...

Итак, вместе со всеми покидаю я этот мир, оставляя в нем свою Любовь. Пусть ее непорочно-белая энергетика хранит эти земли и помогает созидать то, что можно назвать прекрасным. Мы помогли этому миру очиститься – теперь ничто не помешает ему развиваться, возвращая и лелея свои добрые начала. Я говорю спасибо этому миру. Бывало, что страх, робость и сомнения одолевали меня, но мне удалось преодолеть себя, и теперь я чувствую в себе безграничную Силу, и именно этот мир открыл ее во мне. Наверное, в определенный момент такого состояния достигают все маги. И это является своеобразной отправной точкой следующего этапа...

Изменились и мои гаврики. Я радуюсь, наблюдая за ними, и сердце мое больше не тревожится. Я научилась самому трудному – доверять. Возникает вопрос – кому доверять... Да я и сама пока не могу точно сформулировать. Наверное, Провидению, или Небесам, или Богу, или жизни, или себе... Но одно ясно и несомненно – через все испытания меня твердо ведет любящая рука...

Как и все остальные, я задаюсь вопросом – каким будет следующий мир среди бесконечного множества этажей Мироздания? Что ждет меня там? Но я не могу этого знать заранее. Этого не может ни один маг, и даже богам подобное не под силу. Однако чуткое наитие пробуждает где-то в потаенных уголках моей души волнительный трепет и неясное будоражащее чувство, которое я сознательно не решаюсь опознать, потому что оно приносит печаль и осознание одиночества. Но помечтать мне никто не запретит, и никто не подсмотрит моих грез... Ах, вот бы пережить любовный роман, да с красивой развязкой! Глядя на то, как вокруг соединяются пары, мне становилось немного грустно. Мне двадцать шесть лет... Я красивая и здоровая девушка. Но я странная девушка, и найти такого мужчину, чтобы я могла влюбиться в него, представляется весьма затруднительным. Но ведь мы путешествуем по магическим мирам, правда ведь? А здесь возможно все. По крайней мере, хочется в это верить. Чудо случилось даже с Антоном. Его горящие глаза безошибочно говорят о том, что он влюблен, а счастливая улыбка свидетельствует, что его чувства взаимны.

С некоторых пор я стала отчего-то плохо спать по ночам. Лезли в голову разные мысли, мешая забыться сладким сном. Как-то мне снова не спалось, и я решила прогуляться. Прекрасная была ночь – ветер доносил благословенную прохладу и запахи полей, деревья едва слышно шелестели, словно обмениваясь своими секретами, и пушистые звезды сияли в бархатно-черных небесах. Полная Луна, будто царица, расположилась прямо в центре небесного свода, бла-

госклонно озирая освещаемую собою территорию. Я не спеша прогуливалась по лагерю, наслаждаясь ощущением покоя и одиночества, мысли медленно перекатывались в моей голове, и романтический настрой все больше овладевал мной. Так я добрела до той полянки, где расположили наш «полевой госпиталь», в котором сейчас находились только выздоравливающие nereиды. Было тихо, девушки крепко спали, прижавшись друг к дружке. И вдруг я заметила чуть поодаль, за деревьями, какое-то движение. Кроме того, ветер донес оттуда странные, неразборчивые звуки. Любопытство одолело меня и, тихонько подкравшись поближе, я притаилась за холмиком и осторожно выглянула. Картина, представшая передо мной, была до такой степени трогательной и прекрасной, что у меня защемило сердце. Там, на небольшом пятачке между деревьев, залитые голубоватым и неверным лунным светом, танцевали двое. Их размытые во мраке силуэты двигались плавно и грациозно. Обнаженное тело девушки будто бы источало белый свет; ее длинные волосы струились по спине живыми волнами. Мужчина же был одет. Он нежно обнимал партнершу, ловко и уверенно ведя ее в танце, похожем на вальс. Тут до меня дошло, что странные звуки были мелодией, которую мужчина напевал просто губами. Девушка время от времени раздражалась негромким соблазнительным смехом, похожим на журчание ручья. Я, оставаясь незамеченной, заворожено наблюдала эту бесхитростно-прекрасную сцену. И долго, долго мои чувства отказывались верить моим глазам, ведь ночным танцором – таким романтическим и галантным – был Антон... А его партнершей – та самая nereида Илла. Он учил ее вальсу. И прекрасная юная русалочка с удовольствием и азартом осваивала азы танцевального искусства, млея в руках своего учителя. Между прочим, получалось у нее неплохо – девочка явно обладала талантом. Я довольно продолжительное время наблюдала за этой парой, просто не в силах оторваться. И скажу, что ничего эротичнее этого лунного вальса мне в жизни видеть не приходилось.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

И вот наконец, часа через три после магической грозы, забросившей к нам майора Половцева с почти готовыми офицерами-егерями, мы снова выстроили все подразделения в походный порядок и собрали у места открытия портала свою магическую пятерку. На этот раз нам никто и ничто не помешало, и портал распахнулся перед нами во всей своей зияющей красоте, показав лежащий по другую сторону иной мир с огромными деревьями, по сравнению с которыми корабельные сосны казались мелкой порослью. Вот тут, кстати, майора Половцева, как я понимаю, и пробрало по-настоящему. Одно дело – штурмоносец из мира Елизаветы Дмитриевны, или «сыворотка №1» – это чудеса технологические, а, значит, другой такой же технологической цивилизацией воспроизводимые. Другое дело – межмировой портал, который непонятно как работает, управляется через взаимосвязь пятерки магов и их камней, и скорее всего не подлежит воспроизведению технологическими средствами. Правда, Елизавета Дмитриевна уверена в обратном – что, мол, если дать ученым из ее мира хоть намек, что такое в принципе возможно, так они и любую магию в бараний рог скрутят, ибо она есть ни что иное, как потаенная сила природы. Но это будет уже позже, а сейчас через сплюсненную линзу портала (оказалось, что так экономится энергия, а на больших проемах это чувствительно) первым на малой высоте пролетел штурмоносец с двумя взводами амазонок на борту, за ним прошли более или менее ровными коробками «овечки» и проехали грузовики с курсантами. Потом, за грузовиками, в шесть рядов, по всей ширине тамошней дороги потянулись телеги обоза, управляемые сервами, с ними полевые кухни, ремонтный табун лошадей и стадо скота, за которым прошли не такие уж малочисленные в нашем соединении некомбатанты. За обозом с некомбатантами в портал бодро прошагала тевтонская пехота, прошла тевтонская же кавалерия – сперва легкая, за ней тяжелая. Замкнули процессию дежурный взвод амазонок на своих быстроногих скаку-

нах, а за ними, последними – уже мы, маги, которым осталось только закрыть за собой дверь, то есть отключить портал. Все – мы были в другом мире, и, насколько я понимаю, обратного хода у нас уже нет.

* * *

Мир по ту сторону портала. Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Когда портал закрылся и связи внутри пятерки были прерваны, я облегченно вздохнул и убрал меч Ареса в ножны. Воздух вокруг нас был прокален стоящим почти в зените солнцем и напоен пряным ароматом благовоний, исходящих от окружавших Дорогу высоченных стройных деревьев, чьи вершины, казалось, терялись где-то под облаками. Ох, и нелегкая была это работа – из болота тащить бегемота. Такое чувство, что я не стоял на ключе в порталном заклинании, а целый день разгружал вагоны с бетонными плитами. Остальные, включая и наш живой аккумулятор Кобру, которая даже покраснела от натуги, выглядели ничуть не лучше. Колдун утирал с чела тяжкий трудовой пот, а Анастасия с Птицей, тяжело дыша, обмахивались платками, пытаясь остудить разгоряченные лица. Да и остальным здесь тоже немного жарковато – например, у меня самого пот со лба так и течет...

Но не успел я попросить Анастасию подвесить над местом нашей высадки небольшие аккуратные кучевые облачка, чтобы навести тень и сбить жару, как к нам подошла Лилия, прикинутая в белый халат со стетоскопом... Понятно. Будет обязательный послепортальный медицинский осмотр! И Лилия моих ожиданий не обманула.

– Так, папочка, – деловито сказала она, – ты первый. Снимай-ка скорей свой китель, чтобы я могла тебя осмотреть. И ты, Диметриос, тоже приготовься. Нет, юноша, штаны снимать не надо, только рубашку. Более подробный осмотр я сделаю позже, уже на привале.

Всего за пять минут своими личными полумагическими методами Лилия умудрилась измерить мне давление и температуру, посчитать пульс, выслушать сердце и дыхание и, наконец, вынести заключения, что данная магическая манипуляция ничуть не повредила моему здоровью. А если бы она все-таки повредила, то я света белого бы не взвидел, пока Лилия не сочла бы, что ущерб моему здоровью уже устранен. Такая уж она у нас старательная...

Едва я вырвался из цепких лапок Лилии, как ко мне подошел Змей с рапортом, а за его спиной уже маячил майор Половцев. Невооруженным глазом было видно, что человека будто подменили, и что Отец наш Небесный тут совсем ни при чем. Переброска через портал в другой мир считай что дивизии способна впечатлить и более толстокожего человека. Правда, если учесть, что тевтоны мне подчинялись едва-едва, то я могу рассчитывать на половину этой дивизии, да и то из нее полностью боеспособна только одна рота. И этот вопрос тоже надо срочно решать. Возможно, на носу война, а мы, как всегда, не готовы; но воевать нам все одно надо.

– Ну, капитан, ты извини меня, если что было не так, – сказал мне Половцев, – Если бы я знал, о чем идет речь, то разве же спорил бы с тобой?! Приказывай, и теперь я выполню все твои приказы как положено.

Выполнишь, выполнишь, куда ж ты денешься – подумал я – но полного доверия к тебе уже не будет. Не такой уж я дурак, чтобы доверять тому, кто в условиях, близких к боевым, вздумал пререкаться со мной из-за старшинства командования. Вопрос был нелепый, поскольку меньшее подразделение присоединяется к большему, а не наоборот, и командование я ему мог сдать только добровольно, а не по требованию. Пусть армии у нас с майором Половцевым разные, но Россия у нас во всех мирах одна, и драться за нее надо насмерть. Я это уже осознал, а он пока не успел или не смог.

– Значит так, майор, – спросил я вслух, – если честно, боевой опыт имеется?

– Да, капитан, – ответил тот, – два месяца в джунглях Сиама.

– Так вот, – сказал я, – у меня стаж участника боевых действий больше десяти лет, и поверь мне – я вполне отдаю себе отчет в том, что, как и зачем делаю. Поэтому я буду командовать парадом, а ты пока поработаешь моим начштаба. А там посмотрим. А сейчас вон идет отец Александр – кажется, он собирается читать нам вводную на этот мир.

– Этот поп? – с легким пренебрежением спросил майор Половцев.

– Это такой же поп, майор, – резко ответил я, – как и богиня Артемида – простая баба. Если хочешь, могу познакомить, но больше чем уверен, что ты ее вряд ли заинтересуешь. Уж слишком ты твердолоб.

Оставив майора переваривать полученную информацию, я развернулся навстречу отцу Александру, справедливо ожидая очередную порцию откровений...

– Значит так, отче, – сказал я, как только он подошел, – переход в новый мир совершен, путь назад, как я понимаю, отрезан. Да и не тянет меня назад – несмотря на это жгучее солнце и зной, дышится тут значительно лучше, чем в «Подвале». Теперь я хотел бы знать, что это за мир, и какое задание Отец взвалил на наши плечи на этот раз.

– Отец, – сказал священник, – не дает нам креста не по силам. Это, во-первых. Во-вторых – именно в этот мир Отцом около четырех тысяч лет назад целиком и полностью, вместе с домами, жителями, скотом и даже собаками, были перенесены города Содом и Гоморра, а также окружающие их поселения, погрязшие в грехе, который позже назвали содомским. Этот мир отстоит от нашего мира по временной шкале примерно на шестьдесят пять миллионов лет тому назад, и, следовательно, до появления здесь содомитян и гоморритян был полностью лишен разумной жизни. Перемещение было осуществлено абсолютно внезапно, на изолированный от остальной суши субконтинент, который предварительно был зачищен от всех крупных хищников, вроде той разновидности тираннозавра, которая пыталась атаковать вас при первой попытке проникнуть в этот мир. Именно потому археологи никак не могут обнаружить остатков Содома и Гоморры – их там просто нет. Ну а вы можете называть этот мир «Проклятым миром Содома», потому что все тут пошло совсем не так...

Отец Александр немного помолчал, а потом добавил:

– Перемещая сюда этих грешников, Отец наш Небесный рассчитывал, что здесь, в изоляции от остального человечества, они осознают свои ошибки и исправятся, но этого отнюдь не произошло. Совсем наоборот. Мир этот, как оказалось, обладает довольно сильным магическим потенциалом, и ссыльные содомитяне и гоморритяне, не оставляя своих дурных наклонностей, начали практиковать магию, все шире и шире используя ее в богопротивных и антигуманных целях. Обстановка со временем все ухудшалась и ухудшалась. Применение магии увеличивалось в масштабах, а цели этого применения становились более бесчеловечными и богопротивными. Поскольку отношение к женщинам у содомитян и гоморритян было сугубо утилитарным, как к рожательной машине и рабочему скоту, то маги этого мира, сперва закрепив у мужского пола противоестественную сексуальную ориентацию, уделили свое основное внимание «усовершенствованию женских организмов», как они это понимали своим извращенным умом. Женщин делали сильнее, здоровее, приспособливали к самым тяжелым условиям жизни, в то же время стремясь, чтобы они не потеряли возможность приносить потомство.

Делалось это той причине, что самые сильные маги, по совместительству оказавшиеся и вождями содомитян и гоморритян, вовсе не собирались доводить дело до вымирания своего народа, которое случилось бы в том случае, если обоюполюые сексуальные контакты стали бы невозможны. При соблюдении определенных ритуалов, используя соответствующие заклинания, содомитяне и гоморритяне имели возможность зачинать с женщинами потомство, и тем самым продолжать свой род.

Тем временем, поскольку материк обладал плодородными почвами и располагался в благодатном климате, позволяющем снимать четыре урожая в год, численность содомитян и

гоморритян быстро росла. Одновременно с этим шел и процесс консолидации городов-государств, выстраивавших иерархию подчиненности по принципу силы их владык. В результате остались только две империи – одна на севере, другая на юге, образовавшиеся вокруг сильнейших магических династий, после чего между ними стала неизбежна тотальная война за господство над этим материком.

Мировые войны – это совсем не изобретение индустриального века. Вспомните греко-персидские, пунические, римско-персидские и римско-парфянские войны. Просто наш мир достаточно просторен, чтобы ни персы династии Ахеменидов, ни греки Александра Македонского, ни римляне не могли захватить хоть сколь-нибудь значимую часть обитаемого мира, в основном топчась вокруг Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Но тут населенная часть мира была очень небольшой, театр военных действий, охватывающий плодородные речные долины и прибрежные равнины – еще меньше, и одна из двух сторон, которая в этой войне окажется сильнейшей, вполне могла рассчитывать на установление полного господства над этим миром.

Преимущество в численности было у северян, произошедших от жителей Содома, так как они освоили для жизни долины двух крупных рек и обширные плодородные приморские равнины, в то время, как у обосновавшихся на юге гоморритян плодородных пахотных земель было примерно раза в два меньше, и казалось, победитель в грядущей войне был предопределен заранее. Надо сказать, что к тому времени мужчинки и у содомитян, и гоморритян в своей большей части совершенно выродились и утратили боевой дух. Поэтому массовые армии с обеих сторон по большей части состояли из специально выращенных и подготовленных к войне боевых женщин, удерживаемых в узде специальными заклинаниями...

В этот момент Зул бин Шаб, которая проходила мимо и остановилась послушать повествование отца Александра, презрительно хмыкнула, а хвост ее с пышной кисточкой упруго взлетел вверх и опустился.

– Господа, если вы позволите даме высказать свое мнение, – немного ерничая, вмешалась она в наш мужской разговор, – то я скажу, что это крайне дурацкое дело – накладывать укрощающее заклятие на собственное войско. Солдаты, и особенно командиры при этом тупеют и не могут реагировать на быстро меняющуюся обстановку.

– Хм, – сказал отец Александр, – по имеющимся у меня сведениям, эти заклятия были нацелены исключительно на то, чтобы вызвать в солдатах и командирах собственной армии сильный приступ острой немотивированной любви к правящей династии. Это было даже сильнее культа личности, примерно так же, в нашем мире фанаты обожают поп-звезд, знаменитых актеров и спортсменов. Но дело было в том, что это заклинание работало исключительно до тех пор, пока был жив хоть один представитель того рода, который являлся его бенефициаром. Но эта его особенность сказалась значительно позже, и мы об этом поговорим особо.

А пока нам надо знать то, что две магические империи готовились выяснять между собой отношения; и при этом южная империя знала, что она примерно в два раза слабее северной. И тогда правящей гоморритянами династии пришла в голову идея путем магических манипуляций создать такую разновидность боевых женщин, которые рожали бы только точно таких же боевых женщин – и никаких изнеженных и сибаритствующих мужчинок. Необходимых для этого самцов-производителей планировалось разводить отдельно, и по первоначальным расчетам гоморритянских правителей, к тому моменту, когда должна была разразиться война, имея вдвое меньшее население, они могли выставить на поле боя в полтора раза большую армию боевых женщин, которых мы условно будем называть лилитками – по имени первой жены Адама, на которую они походили своим гадючьим характером.

Когда выполнение этого проекта было в самом разгаре, о нем узнали содомитяне и просто напали до того момента, как у гоморритян к мундиру последнего солдата не была пришита последняя пуговица, хотя ни содомитяне, ни гоморритяне по причине жаркого климата не

пользовались ни мундирами, ни пуговицами. При этом у содомитян оказалось еще одно естественное преимущество. У них имелось не только больше женщин-солдат, но и в несколько раз больше мужчин-магов, которые и обеспечили им решающий перелом в войне. Вскоре – то есть через десяток лет – южная империя была полностью разгромлена, после чего все представители ее правящей семьи были один за другим безжалостно убиты; и подчиненные ей армии, включая уже готовых лилиток и их молодняк, разбежались, превратившись просто в банды разбойников.

Содомская династия после этого осталась в гордом одиночестве, но вскоре начала вымирать и она. То ли сказалось магическое истощение в ходе этой войны (благо маги обеих сторон швырялись заклинаниями направо и налево, не щадя ни себя, ни врагов), то ли подействовали предсмертные проклятия гоморритянских правителей – но только содомская династия не пережила побежденных и на сотню лет.

После смерти последнего мага из содомской династии все вернулось к тому, с чего началось – то есть к множеству абсолютно независимых городов-государств, во главе каждого из которых находилась магическая династия уровня ниже среднего. Вот эта великолепная дорога, ведущая прямо к столице южной империи, как раз была построена гоморритянами во времена подготовки к той войне. Тогда тут рубили эти великолепные деревья и по дороге отвозили их в столицу. Кроме того, именно тут, на плоскогорье, располагались племенные и тренировочные лагеря лилиток. Война между империями закончилась почти тысячу лет назад, и с тех пор в этом мире не появлялось ни одного мага, по силе хотя бы приблизительно соответствующего магам имперских династий.

– Так, отче, – сказал я после того как внимательно выслушал этот экскурс, – а вы могли рассказать нам эту историю немного пораньше, например, когда мы были еще на той стороне портала?

– Нет, сын мой, не мог, – покачал тот головой, – на той стороне портала я этой информации просто не имел. Когда погрязших в содомском грехе посылали в эту ссылку, вместе с ними в этом мире осталась сущность, которую мы условно можем назвать ангелом-наблюдателем. Шли века и тысячелетия, а этот ангел фиксировал происходящие события, чтобы при появлении здесь кого-нибудь с полномочиями архангела, или адепта вроде меня, передать ему всю собранную информацию.

– Это теперь понятно, – сказал я, – и в принципе не имеет такого уж большого значения. Значение имеет то, что мы должны сделать с этим миром, чтобы нормализовать его положение, и чтобы нам открылась дорога на следующие этажи Мироздания.

– Противоестественная ориентация местного населения – это еще полбеды, – серьезно произнес отец Александр, – мириться с этим, конечно, нельзя, но специально для вразумления заблудших вооруженную экспедицию – особенно такую, как ваша – сюда посылать бы никто не стал. Хуже то, что на базе этого извращения выработались такие ритуалы и отношение к людям, из-за которых этот мир буквально корчится в нечеловеческой жестокости. От того, что здесь делают с женщинами – как лилитками, так и вполне обычными – побледнели бы даже предки наших тевтонов, хотя они-то ангелами как раз и не были.

Лучше всего положение у так называемых «диких» лилиток, хотя и их тоже поджидает множество опасностей, в том числе опасность быть убитой и съеденной своими же. Хуже всего – у тех, кого выращивают в особых лагерях специально для еды. Забивают их с особой жестокостью, зачастую в присутствии тех, кто купил их мясо. Немного получше жизнь у тех, кого вырастили для службы – в качестве племенной коровы, полицейской или гладиаторши, на потеху хозяевам жизни. Но и они тоже не живут дольше тридцати лет – и или гибнут при исполнении служебных обязанностей, или бывают забиты, когда состояние здоровья больше не позволяет дальше исполнять эти самые обязанности.

Таким же образом относятся не только к лилиткам, но и к обычным женщинам, на которых возложены все тяжелые и грязные работы, и которые, не имея личной свободы и права выбора, рожают все новые и новые поколения, обреченные на мучения в этом аду. Не лучше положение и у парий мужского пола – так называемых Производителей, которые, будучи натуралами, обслуживают племенные лагеря всех видов, обеспечивая воспроизводство всего этого ужаса. Самостоятельно в этом мире размножаются только маги из правящих династий и насилующие своих рабынь Волкодавы – специально выведенные путем магической селекции бойцы, способные на равных сражаться с дикими лилитками и испытывающие к ним генетически запрограммированную ненависть... Это мир inferно, погрязший в ненависти, страхе, жестоких убийствах и распространяющий вокруг себя метастазы подобно раковой опухоли.

– Так, отче, – сказал я, – скажите, а какова в этом должна быть наша роль? Какой нарыв мы должны вскрыть и какую рану вылечить? Где тот эпицентр зла, который мы могли бы стереть с лица этого мира, чтобы раковая опухоль прекратила свое существование, и мы могли бы двинуться дальше в следующий мир по дороге, восходящей к родным для нас верхним мирам?

– Увы, сын мой, – покачал головой отец Александр, – такого единого центра зла, как херр Тойфель с его филиakterием, здесь нет и никогда не было. Зло находится в самих здешних людях, и чтобы его побороть, необходимо запустить такой процесс, при котором добрые люди могли бы получить в выживании преимущество над злыми.

– Это проще сказать, чем сделать, отче, – задумчиво ответил я, – ну не учили меня запускать процессы; а учили только тому, что если есть враг, то он должен быть либо мертвым, либо сдающимся на милость победителя. А тут, как я понимаю, врагом является большая часть насквозь прогнившего населения, привыкшая к такому образу жизни и признающая его для себя единственно приемлемым. По сравнению с этой обстановкой даже тевтоны и их прародители, германские нацисты, являются белыми и пушистыми ягнятками. Но это я так, к слову.

У меня тоже есть свои принципы. Во-первых – это то, что капитан Серегин никогда не отказывался даже от самых безнадежных заданий. Во-вторых – если в этом мире есть люди, которые стоили бы того, чтобы их защищать, то мы их обязательно найдем и окажем им помощь. Хотя боюсь, что с учетом базового контингента помогать тут изначально было просто некому. В-третьих – я знаю, на кого тут можно возложить основную работу. Одним выстрелом двух зайцев. И от тевтонов можно избавиться, и делом их занять таким, что на века. Как говорится – клин вышибают клином, и пусть одно зло до посинения воюет с другим. Но пускать на самотек мы это точно не будем – сперва организуем и направим процесс, и только потом, убедившись, что все идет как по маслу, двинемся дальше по своей дороге. Да, кстати как местные маги получают энергию, необходимую им для магических манипуляций?

– Для этого у них два пути. Во-первых, из собственного тела, где эта магия собирается из естественного магического фона, и, во-вторых, из человеческих жертвоприношений, и вообще при любых процессах, сопровождающихся массовой гибелью живых существ. Правда, собирать эту энергию – например, при эпидемии – куда сложнее, чем просто стоять у алтаря, видеть и ощущать предсмертные мучения людей, их ужас перед неизбежной и неотвратимой гибелью. Поскольку большая часть здешних магов являются самыми настоящими садистами, то им это даже нравится...

– Стоп, отче, – сказал я, – пожалуйста, дальше без подробностей. Задание понято и принято, и теперь дальше мы будем воевать, как говорил Владимир Ильич Ленин, «по-военному» и вы, Отче, в это не вмешивайтесь. Если надо истреблять здешних магов, то будем истреблять магов – да так, что чертям в аду станет жарко – но сперва мне хотелось бы получить живую информацию из независимых источников. А сейчас, перед тем как составить план кампании, мне необходимо собрать дополнительную информацию, а потом немного подумать. Все, товарищи, вводный брифинг закончился, все свободны.

– Наверное, ты прав, сын мой, – произнес отец Александр, – излишняя спешка в этом деле может только навредить – как нам самим, так и тем несчастным, чью участь в итоге мы призваны облегчить.

– Разумеется, отче. Ну не Наполеон я, который Бонапарт, способный выдать гениальный план сражения уже после того, как прозвучали первые выстрелы. Мне для составления мало-мальски внятного плана сперва нужно собрать кучу разведанных, потом посидеть с ними, выкладывая пасьянс, и только потом мою голову может посетить какое-нибудь гениальное озарение. Так что работаем по профилю, парни, а уж потом будем думать, что нам делать дальше. И вообще, нечего стоять тут на месте под палящим солнцем. Как и предполагалось ранее, сейчас мы двинемся к тому месту у начала дороги, которое Змей в своем рапорте, явно с подачи Агнии, назвал заброшенным городом, встанем там лагерем и попробуем уяснить для себя окружающую обстановку. Так что вперед шагом марш-марш. До того места всего шесть с половиной километров, дойдем за полтора часа.

Штурмоносец снова поднялся в воздух, пешие и конные колонны двинулись вперед мерным шагом, водители «Медведей» снова завели моторы своих машин. Следом за ними потянулись тяжелые пароконные тевтонские повозки обоза, груженные ящиками с оружием, боеприпасами, продовольствием, формой и всем прочим, что мы потащили за собой в дальний путь. И вот все мое войско медленно, но неуклонно движется вперед к заброшенному городу.

И еще крутится в голове что-то важное... Ах да! Доклад Змея о назойливых, но очень скромных любителях подсматривать может совпадать с информацией отца Александра об обитающих тут на плоскогорье диких «лилитках». А это значит, что они могут наблюдать за нами прямо здесь и сейчас. Ведь если верить словам священника, то мы находимся чуть ли не в самом центре их территории. Истину, что враг моего врага – мой друг, я помнил хорошо, а следовательно, нам как можно скорее нужно установить с ними доверительный контакт – во избежание, так сказать, различных нежелательных инцидентов. А то может получиться нехорошо, даже при отсутствии злой воли с обеих сторон.

– Товарищ майор, – обратился я к Половцеву, – кажется, вы говорили, что ваши парни натренированы для войны в лесу – неважно, тайга это или джунгли...

– Так точно, товарищ капитан, – ответил тот, – так оно и есть. Назначение сибирских егерей в Красной Гвардии – это вести все виды боевых действий в лесистой и горно-лесистой местности.

– Очень хорошо, – сказал я, удовлетворенно кивнув, – вот первое боевое задание тебе и твоим людям. Видишь этот лес? Оттуда за нами сейчас, скорее всего, наблюдают разведчики местных племен. Так вот, задача твоих парней – обнаружить такого разведчика, но ни в коем случае не убивать его и не применять к нему силу, а дать понять, что мы хотим вызвать на переговоры его начальство. Если они действительно враждуют с содомитами, то делить нам с ними нечего, но зато мы сможем заключить союз и оказать друг другу значительную взаимную помощь. У нас есть огневая мощь и живая сила, у них – знание местности и обстановки.

– Задание ясно, товарищ капитан, – ответил майор Половцев, – разрешите выполнять.

– Постой, майор, – сказал я, – тебя как по имени-отчеству?

– Игорь Петрович, товарищ капитан, – ответил майор Половцев, – а что?

– А то, товарищ майор, – сказал я, – что мы с тобой тут не на плацу, чтоб через слово щелкать каблуками и козырять. Давай уж будем, как говорили раньше, «без чинов». Ты ко мне обращайся «Сергей Сергеевич», а я к тебе «Игорь Петрович». Нам с тобой неизвестно сколько времени вместе работать, а не показуху устраивать.

– Ну что же, Сергей Сергеевич, – сказал довольный Половцев, пожимая мне руку, – без чинов так без чинов. Тех таинственных ниндзюков мы тебе найти попробуем, но, сам понимаешь, ничего не обещаем. Ведь мы же не боги, а только учимся, а они, если их тут так тиранят, должны уметь прятаться только на будь здоров.

И тут рядом со мной появилась Лилия, улыбающаяся во все свои тридцать два зуба.

– Вот так бы сразу и сказали, что вы не боги! Стойте здесь и не двигайтесь, я сейчас! – неожиданно капризным тоном сказала она и, сойдя с мощеной дороги, утопая по пояс в высокой траве, направилась к опушке леса.

– Сергей Сергеевич, куда это она? – немного растерянно спросил Половцев, глядя Лилии в спину, – И почему она сказала, что мы не боги?

– А потому, Игорь Петрович, – ответил я, – что она на самом деле не девочка-подросток, какой кажется, а действительно олимпийская богиня, родившаяся у Афродиты-Венеры уже в эмиграции – в том мире, из которого мы только что ушли. Вообще-то по специальности Лилия – богиня подростковой любви, но помимо этого она еще и довольно неплохой врач, а сейчас, кажется, хочет попробовать себя в роли дипломата...

– Да, Сергей Сергеевич, – вздохнул майор Половцев, – внешность бывает довольно обманчива. Я думал, что это ваша воспитанница.

– Ей где-то под тысячу лет, – невозмутимо ответил я, – просто у богов и богинь физическое развитие останавливается на уровне, соответствующем их эмоциональному состоянию. Например, ее старший брат Эрот-Купидон вот уже Бог его знает сколько тысяч лет является непослушным и несносным пятилетним мальчишкой, которого хлебом не корми – дай только похулиганить... Ага, кажется что-то есть!

Все это время я не отрывал глаз от Лилии. А она, пока мы так неспешно беседовали, медленно и вкрадчиво, не делая резких движений и двигаясь от дороги чуть наискосок, дошла почти до самой опушки леса, потом наклонилась, как будто что-то нашла в высокой траве, окружавшей заросли колючего кустарника – и, подав руку, помогла подняться на ноги высокой худой фигуре, которая на первый взгляд показалась мне одетой в камуфляжное трико. И только потом, приглядевшись, я понял, что разведчица местного племени была полностью обнажена, а маскировочная раскраска нанесена прямо на ее кожу. Взяв незнакомку за руку, Лилия повела ее к нам, при этом преодолевая чуть заметное сопротивление своей новой знакомой.

Чем ближе они к нам подходили, тем удивительней казался для меня вид этой дикой лилитки. Темно-шоколадная смуглая кожа была исчерчена геометрическими узорами татуировки, покрывавшей почти все ее тело. Поверх татуировки двумя красками – светлой (почти белой) и темно-зеленой был нанесен еще один камуфляжный узор, превращающий тело этой молодой женщины в идеальное средство маскировки. А то, что это была именно молодая женщина, не подлежало никакому сомнению; при этом вид не портили даже длинные острые уши, как на картинках «про эльфов». И вообще, если где-то на просторах мироздания существуют настоящие эльфы, то и выглядеть они должны точно так же, как и эта новая знакомая Лилии. Никакого оружия я при ней не заметил, но это еще ничего не значило, ведь я совсем не разбираюсь в том, что тут может быть оружием, а что нет; и кроме того, выходя на переговоры, она могла оставить свое оружие на месте лежки.

Оглянувшись на майора Половцева, я увидел на его лице весь тот спектр эмоций, который говорил о том, что это человек обалдел «сего числа» и находится в шоке. Да уж, такого он в своем Сиаме явно не видел и видеть не мог – не то что я и мои парни, которые крутятся в чем-то подобном вот уже почти два месяца и привыкли встречаться с разного рода невероятными ситуациями, пожимать руки богам и богиням; к тому же обнаружили в своих рядах несколько высококвалифицированных магов, повстречались с выходцами сразу из нескольких миров – и после этого никто из нас не утратил возможности здраво и критически мыслить.

Тем временем Лилия с этой эльфоподобной незнакомкой подошли и остановились прямо напротив нас. Последнее, что можно было рассмотреть уже вблизи, это темные треугольные и наверняка очень острые удлиненные ногти-когти, украшающие пальцы узких, нервно сжимающихся ладоней незнакомки. Чем больше я на нее смотрел, тем больше убеждался, что это

действительно настоящая боевая машина в хрупком человеческом теле. Она вызывала ощущение сжатой пружины, таящей в себе силу и мощь.

– Вот и все, Серегин, – сказала мне Лилия, когда они с незнакомкой подошли к нам почти вплотную, – знакомься, это Айна, предводительница клана Быстрого Взгляда.

* * *

Там же и тогда же. Айна, предводительница клана Быстрого Взгляда

Айна привычно наблюдала за дорогой и собравшимися возле нее сестрами чужого клана, когда вдруг в пространстве открылась дыра – нечто вроде больших ворот, которые она давным-давно, еще в детстве, видела в развалинах Старого города. Несколько мгновений спустя ветерок донес до чутких ноздрей Айны незнакомые запахи чужого мира¹.

Но все это было сущей ерундой по сравнению с тем, что случилось после, когда через эти ворота между мирами стройными рядами пошли сестры-воительницы и Производители чужого клана; и было их так много, что у Айны даже зарябило в глазах. Какой уж тут подсчет руками рук. Такую армию не способен собрать ни один город нижних людей, и даже не каждый союз городов может собрать столько Воительниц и Воителей одновременно. А уж то, что Воители в одно и то же время были и Производителями, и вовсе казалось чем-то невероятным.

Дрожа от возбуждения и стараясь при этом не шевелиться, Айна продолжила свое наблюдение, тем более, что Предводители этого странного и непонятного клана остановились совсем неподалеку от ее наблюдательной лежки и принялись что-то обсуждать, размахивая при этом руками. В этом чужом клане главными были Предводители, а не Предводительницы, и это тоже делало его до предела странным.

Потом Айна почувствовала на себе чей-то любопытный и в то же время дружелюбный взгляд, и сжалась от ужаса, несмотря на это показное дружелюбие. Рефлексов, выработанных при воспитании в клане, ей было не перебороть, а они гласили – обнаруженная Наблюдательница – это мертвая Наблюдательница. Надо уносить свою шкуру, пока из нее не наделали разных полезных для нижних людей вещей, вроде перчаток и абажуров, ценных из-за сохранившегося на них рисунка татуировки.

Попытавшись пошевелиться, Предводительница клана Быстрого Взгляда с ужасом поняла, что тот взгляд был магическим, от чего руки и ноги ее ослабели настолько, что она даже не могла пошевелиться, а не то чтобы незаметно уползти с этого места. Все верно – Наблюдательница могла считать себя в безопасности ровно до тех пор, пока ее не обнаружили чужие глаза, а потом даже маг средней руки мог сделать с ней все, что захочется. Когда Айна была маленькой девочкой, в клане рассказывали страшные истории о Наблюдательнице, которую такой вот маг при помощи магического принуждения заставил снять шкуру с самой себя.

Тем временем от группы Предводителей отделилась совсем молодая сестра (в клане Быстрого Взгляда ее даже не сочли бы достаточно взрослой для самостоятельного наблюдения) и пошла прямо к Айне по ровному, поросшему травой пространству, отделявшему Дорогу от Леса. И чем ближе она подходила, тем более очевидным становилось то, что это именно ее внимательный и дружелюбный магический взгляд Айна почувствовала в тот момент, когда была обнаружена. Прижатая к земле магией чужого взгляда, она могла только надеяться, что все произойдет быстро и не очень мучительно.

¹ Лагерь у контейнеровоза расположен на высоте +200 метров от уровня моря (просто сам уровень моря выше), а плоскогорье примерно на уровне +1000 метров, что обеспечивает перепад давления и переток воздуха из мира Подвалов в мир Содома.

Но ее мрачные предположения не оправдались. Когда молодая сестра подошла к ней и протянула руку для того чтобы помочь ей подняться, Айна услышала ее звонкий голос прямо в своей голове:

– Встань, женщина, иди за мной и ничего не бойся. Мы тебе не враги, а совсем даже наоборот – друзья...

Дрожа, на этот раз от предчувствия чего-то необычного, Айна взялась за эту протянутую руку и почувствовала, что ее тянет вверх с огромной силой, как будто бы эта юная сестра была полноценной зрелой Воительницей. Один рывок – и вот она уже, выпрямившись, стоит на ногах, на полторы головы возвышаясь над молодой сестрой.

– Меня зовут Лилия, – снова услышала она в своей голове все тот же звонкий голос, – иди за мной, Айна, и ничего не бойся.

И они пошли, шаг за шагом приближаясь к группе ожидавших их Предводителей чужого клана. Подойдя к этим Предводителям поближе, Айна поняла, что если ей и придется умереть, то не сегодня. Несмотря на то, что среди них блистали зарницы разноцветных аур нескольких мощных магов и магинь, никто из них не выказывал ей своего презрения, враждебности или подозрительности. Вместо этого они излучали только любопытство и дружелюбный интерес. Особенно привлекали к себе внимание двое – Предводитель Воителей и Воительниц, чья аура горела багровым светом зарева тысяч пожаров, предвещающих гибель многим погрязшим в грехах нижним людям, и еще один Предводитель с аурой чистого бело-голубого цвета, специализацию которого Айна опознать не смогла.

Но первым к ней подошли не эти двое, которые явно представляли собой глав этого клана, а совсем юный Производитель, такого же примерно возраста, как и юная сестра чужого клана по имени Лилия. Но несмотря на свою молодость, этот юный Производитель явно был могущественным магом, аура которого светила теплым, желтоватым светом. Повинуясь какому-то наитию, женщина из леса опустилась перед ним на колени и склонила свою чрезмерно вытянутую остроухую голову, признавая его силу и мудрость. Две маленьких руки легли ей на виски, и в голове у Айны вихрем закружилась карусель из слов и образов.

– Не самая приятная процедура, – подумала она, – но говорят, что маги – вообще странные существа, даже если они и так называемые «добрые». Иногда творят такое, что и в голову не придет нормальному человеку. По крайней мере то, что делает с ней этот юный Производитель, совсем не больно, только немного неприятно – оттого, что голова во время такого упражнения начинает кружиться прямо вместе со словами.

Все когда-нибудь кончается, закончилась и эта странная пытка. Молодой Производитель убрал руки с висков женщины и велел ей встать. И только поднявшись на ноги, Повелительница клана Быстрого Взгляда поняла, что это повеление прозвучало не на Высокой Речи народа плоскогорий, а на неизвестном ей доселе языке, который назывался русским, но, тем не менее фразу она полностью поняла. Это впечатляло также, как и история с сестрой, которая сама сняла с себя шкуру, но при этом не содержало опасности для жизни. Поняв это, Айна начала вслушиваться в слова окружающих ее людей, все глубже и глубже погружаясь в их среду.

И вот теперь, когда она была готова понимать и воспринимать, молодой Производитель, которого, как она поняла, звали Дем Колдун, отошел в сторону, а вперед выступили те два самых главных Предводителя чужого клана.

– Приветствую тебя, Айна, – сказал Предводитель Воителей со странным двойным именем Сергей Сергей. – Стой прямо, говори правду и помни, что ты у друзей.

– Да, ты среди друзей, – добавил второй Предводитель с не менее странным именем отец Александр, – мы пришли вычистить этот мир от скверны, но тебе нечего бояться, потому что в тебе нет зла и ты не несешь ответственности за грехи, которые не совершала.

Женщина из леса набрала в грудь воздуха и заговорила, выталкивая из себя слова чужого языка:

– Я Айна, Предводительница клана Быстрого Взгляда, наблюдающего за тем, что происходит на Дороге, стою двумя ногами на своей земле, приветствую вас, о Могущественнейшие, и спрашиваю – каковы ваши намерения и что вы имеете в виду, когда говорите, что собираетесь очистить этот мир от скверны? Я боюсь за мой несчастный народ плоскогорий, и если вы, как и нижние люди, считаете скверной именно его, то мне лучше умереть сразу, чем оказаться причастной к гибели множества моих сестер.

– Айна, – ответил отец Александр, – я ведь уже говорил, что в тебе и твоих сестрах нет скверны. Вы, конечно, совершаете множество крайне нехороших поступков, но часть из них вы совершаете от безысходности, а другую часть – от незнания. Скверна заключена не в вас, а в тех, кого вы называете нижними людьми, которые нарушили все заветы божеские и человеческие, и ведут себя как стая взбесившихся диких зверей, и даже хуже, потому что и дикие звери не пытаются совокупляться с особями одного с собой пола.

– О, Могущественнейший, – ответом на ответ тихо произнесла остроухая женщина, – мой народ загнан в эти горы и прозябает в них, не строя поселений и не распахивая полей. Все дело в том, что из нижних земель к нам сюда, раз в несколько лет, поднимаются большие армии нижних людей, которые начинают охотиться на нас ради наших шкур, говоря, что мы доставляем им беспокойство. Если бы мы не умели хорошо прятаться в этих лесах и еще лучше сражаться, когда нас загоняют в угол, то наш народ, наверное, давно бы уже закончился. Да мы доставляем нижним людям определенное беспокойство, потому что вынуждены спускаться вниз в долины для того, чтобы добыть себе Производителей, ибо наши сестры рожают только сестер; и без Производителей мы умираем от старости одна за другой, никого не рождая себе на смену.

– Хорошо, Айна, – сказал мне Предводитель Воителей, – иди и скажи всем своим сестрам, что настали новые времена. Приходи вместе с другими Предводительницами кланов в заброшенный город для разговора о том, как снять с вас вечную угрозу и изменить вашу жизнь к лучшему. Все, Дочь Леса, ты свободна, удачи тебе и попутного ветра в спину.

– Благодарю тебя, о Могущественнейший, я сделаю все точно так, как ты сказал, – тихо произнесла Айна.

После этого она, повернувшись, бесшумно пошла к лесу по тихо шелестящей траве и никто не уловил того момента, когда ее высокая худая фигура просто растворилась на фоне высоких стеблей и высоченных древесных стволов.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Вот и все об этой странной и трагически печальной женщине, но только хотелось бы знать – это навсегда, или только до особого распоряжения. Хочу надеяться, что эта Айна к нам еще вернется, и не одна, а с множеством своих сестер. Даже на глаз боевой потенциал у этих лилиток вполне внушительный, и если их как следует обучить и экипировать, то не завидую я тому врагу, который столкнется с ними на поле боя. А пока надо и нам начать потихоньку переставлять свои ноги в указанном направлении, как и все остальные, и по пути поговорить кое с кем на интересующие меня темы. Вот, например, что думает Лилия о возможном боевом потенциале этих лилиток? Ведь именно она общалась с этой Айной напрямую из ума в ум, и я знаю, насколько любопытной и бесцеремонной в таких случаях может быть наша маленькая богиня.

– Да, – произнесла Лилия, отвечая на мой невысказанный вопрос, – я тут немного прозондировала ее разум, и могу сказать – интеллектуальный потенциал у нее довольно высокий. Все же их проектировали, как воинов, в мире, которые не додумался еще даже до фаланги, и практикующем в основном действия небольших отрядов и индивидуальные схватки. Так назы-

ваемые тупые солдафоны в таких условиях, безусловно, проигрывают, и требования, которые предъявляются к бойцам, и особенно командирам таких отрядов, довольно высоки. Потом над ними еще поработал еще естественный отбор, когда выживали только самые хитрые, умные и изворотливые особи. И вот вам результат – сначала магического моделирования, а потом еще и тысячи лет селекции – идеальные бойцы и командиры разведывательно-диверсионных отрядов, не теряющие присутствия духа в любой обстановке.

– Звучит почти идеально, Лилия, – сказал я девочке-богине, продолжая идти вместе с ней вдоль обочины дороги, по направлению движения моего войска, – но мне бы хотелось еще глянуть на так называемых домашних лилиток, которых, как говорил отец Александр, содомиты разводят для разных своих надобностей, в том числе и для военной службы.

– А что на них смотреть, – пожал плечами Лилия, – в сознании у Айны я прочла, что если будет нашествие, то большая часть армии содомитов, которых она называет нижними людьми, как раз и будет состоять именно из боевых лилиток. Сodomиты в армии служат только магами и генералами, ну и еще, те, которые победнее – Волкодавами, предназначенными для самых грязных дел, в том числе и направленными против своих же. А вот если ты захочешь увидеть рабочих, или, что хуже всего, мясных лилиток, то тогда тебе придется спускаться вниз в долины, входить на их племенные фермы и в города, и самому погружаться в это дерьмо считать что по самое горлышко.

– А что, – спросил я, вздрогнув от омерзения, – есть и еще и мясные лилитки?

– Я знаю только то, что такие есть, – ответила Лилия, – но подробности мне неизвестны, она об этом слишком мало думала. Спроси лучше дядиного аватара, он от своего духа-шпиона должен был уже узнать все подробности.

– Да, – сжимая зубы, произнес шагающий рядом отец Александр, – я же тебе уже недавно говорил, что бывают лилитки племенные, бывают боевые, бывают домашние слуги и полевые рабочие, а самый низкий разряд – это те, что идут на мясо. Впрочем, и всех остальных по истечении срока годности ждет та же участь – быть убитыми и съеденными либо своими хозяевами, либо той же прислугой.

В возрасте пяти лет на племенных фермах маленьких девочек делят на разряды: высший и низший. Высший разряд потом сможет стать племенными и боевыми лилитками, а низший, соответственно, слугами и мясом. Лет в одиннадцать-двенадцать проходит вторая сортировка. Высший разряд делят на племенных и боевых, а низший – на домашних слуг и рабочих. Рабочий разряд еще чуть позже делят на полевых рабочих и мясо. Мерзость это ужасная, но не зная я этого теперь просто не могу, потому что ангел-наблюдатель все время шепчет мне об этом в уши, как раз для того, чтобы я этого не забыл. В том числе и из-за этих безобразий Отец разгневался на местных содомитян и приговорил их к полному и безусловному уничтожению.

– Отче Александр, – спросил я, – неужели все содомитяне так безнадежно испорчены, что их требуется полностью уничтожить?

– Увы, сын мой, – вздохнул отец Александр, – когда мы отселяли их из мира основной последовательности, в Содоме нашелся всего один праведник, да и тот оказался племянником Авраама Лотом. За те долгие века, что содомитяне провели в полной изоляции, ситуация только ухудшилась. Но впрочем, сын мой, в силу данных тебе полномочий ты можешь помиловать любого, кто покажется тебе того достойным. Это я тебе обещаю.

Немного помолчав, он добавил:

– Хотя, думаю, что увидев воочию все безобразия, творящиеся в так называемых нижних землях, ты сам схватишься за меч Ареса и будешь карать тех несчастных так, что кровь людская заструится по улицам подобно весенним ручьям.

В ответ я только отрицательно покачал головой и произнес:

– Вы ошибаетесь, отче. Ведь я теперь не только капитан сил специального назначения ГРУ Сергей Сергеевич Серегин, жесткий и беспощадный борец с врагами России, но еще и

один из членов представляющей единое целое магической пятерки, в которую, помимо не уступающей мне в жесткости Кобры, еще входят Колдун, Птица и Анастасия. А уж они-то как раз гораздо мягче меня, и точно не дадут мне сорваться в приступ ярости. И вообще, есть у меня такое чувство, что наше участие в этом конфликте должно быть минимизировано. Не чувствую я тут «своей» ни одну из сторон, а значит, и не ощущаю в душе никакого священного порыва защитить сырых и обиженных, и в то же время жгучего желания покарать супостатов. Попал бы я на кровавые поля сорок первого года – вот тогда, как всякий порядочный русский, обрадовался бы возможности найти достойное применение своему гневу и своим умениям. Чтобы за нами все цвело, а перед нами все горело, и плавилась бы серая броня изляпанных белыми крестами немецких танков...

– погоди, сын мой, – прервал меня отец Александр, – возможно, ты еще и попадешь туда, куда так стремишься, ибо пути Отца неисповедимы. А сейчас тебе необходимо вскрыть и вычистить нарыв этого мира, который своим существованием отравляет другие, вышележащие миры. Считай себя скальпелем в руках Отца и не ропщи на обстоятельства; всему свое время и свое место. Ведь сейчас ты еще совершенно не готов к по-настоящему серьезному делу, ибо половина твоего войска ненадежна, потому что состоит из попутчиков-тевтонов, а вторая половина из бывших жертвенных овецек нуждается в длительном обучении и боевом слаживании. Ту гору оружия, которую ты тащишь с собой на повозках, еще нужно раздать на руки кому-то, кого ты должен завербовать в качестве пополнения в свою идущую через миры армию, без чего это не оружие, а просто обыкновенный балласт. Много чего надо сделать, пока ты начнешь получать серьезные задания в верхних мирах, а пока что...

– ...стисни зубы и смирись, – закончил я мысль за отца Александра.

– Не так грубо, но верно, сын мой, – кивнул он, – как говорится, будет день – будет пища. А пока занялся бы ты сейчас, сын мой, своими текущими делами, все равно их без тебя никто делать не будет.

– Спасибо за совет, отче, – сказал я, – когда прибудем в лагерь, так я и поступлю. Дел много, и за меня их действительно никто не переделает, но, как я уже говорил, для серьезных решений у меня пока слишком мало информации. Тут вы правы – будет день, будет пища. А сейчас, пока есть время, мне хотелось бы немного подумать, для того чтобы навести в своих мыслях хоть какой-то порядок.

Поняв, что я не расположен продолжать этот разговор, отец Александр чуть приотстал от меня и принялся на ходу перебирать четки, шепча губами слова молитвы. Видимо, и ему тоже (в смысле отцу Александру, а не просто Отцу) нужно было привести свои мысли в порядок и разложить по полочкам ту информацию, которая при попадании в этот мир обрушилась на нас буквально лавиной.

А в моих мыслях смешались в кучу кони, люди; не хватает только протяжного воя залпов тысяч орудий и прочих атрибутов войны – но за этим, как я понимаю, дело не станет. Война нам обеспечена на всем пути к родному миру, а может, даже и в нем самом. Кстати, в свете некоторых последних разговоров последний вариант совсем не исключен. Как там меня поэтично обозвал отец Александр – «Скальпель Отца». Ну что же – побудем скальпелем, гнойная хирургия для специалиста занятие не зазорное.

Оглянувшись вокруг, я увидел майора Половцева, шагающего чуть позади от меня вдоль обочины этой странной дороги. А не заняться нам с ним прямо на ходу организационными вопросами, тем более что решение по его курсантам мною уже принято?

– Игорь Петрович, – окликнул я его, – по данным разведчиков до нашей будущей базы идти примерно часа два; так может, пока есть время, прямо на ходу попробуем немного поговорить о делах?

– Поговорим, Сергей Сергеевич, – ответил майор Половцев, – почему бы не поговорить. Спрашивайте о том, что вас интересует.

– Значит так, Игорь Петрович, – сказал я, – насколько я помню, на момент нашей с вами первой встречи у вас в подчинении была курсантская рота четырехзвонного состава?

– Так точно, Сергей Сергеевич, – ответил майор, – выпускной курс, полный состав роты сто двадцать штыков. Вооружение – автоматы Федорова, образца двадцатого дробь тридцать девятого года, с учебным боекомплектом. Кроме того, в вещмешках у курсантов по два магазина боевых патронов, что, конечно же, недостаточно для ведения настоящих боевых действий.

Видел я эти «автоматы Федорова». Чистейший «Калашников» с нескладывающимся прикладом, разве что форма приклада чуть отличается, да под цевьем имеется дополнительная рукоять для удобства хвата. Точно во всех мирах поработал кто-то из наших, сеющий разумное, доброе, вечное, и в то же время стреляющее. А разница в названиях отличается потому, что где какого гения нашли, того к делу и приспособили. Где имя Мосина, где Федорова, а где и самого автора оригинала, Михаила Тимофеевича Калашникова, пошли в дело. В любом случае, даже если не совпадут калибр и размерность патрона, почти таких же автоматов у нас около трех тысяч штук. Часть из них, конечно, уже выданы «овечкам», но и того, что осталось, их будущим командиром хватит с лихвой. Кстати, насчет «овечек». Даже примененное с эпитетом «бывшие» – чем дальше, тем больше это прозвище утрачивает свою актуальность. Наверное, по завершении формирования бригады стоит присвоить им почетное наименование «волчиц», ибо по некоторым параметрам эти худые как смерть девицы уже переплывают амазонок. Надо бы им только дать возможность еще немного подкормиться и подтянуться – и все у них будет более или менее хорошо.

Значит так, Игорь Петрович, – деловито произнес я, – почти таких же автоматов, новеньких, в заводской смазке, причем с боекомплектом, у нас в обозе более чем достаточно, так что по этому поводу можете не беспокоиться. Но суть не в этом, потому что никто не собирается использовать ваших парней в качестве рядового состава. Дело в том, что рядовых бойцов и потенциальных командиров отделений у нас более чем достаточно, а вот командиров на уровне взвод-рота-батальон нет совсем. Ваши сто двадцать почти что взводных – это для нас как манна небесная. Готовясь к предыдущей операции, я и на одну роту-то командный состав наскреб едва-едва, а сейчас у меня на руках считай что бригада из одних рядовых, едва обученная и почти неуправляемая.

– Сергей Сергеевич, – ответил Половцев, кивнув на марширующих впереди нас тевтонских пехотинцев, – если вы имеете в виду этих солдат, то они не кажутся мне плохо обученными или неуправляемыми. Отлично слаженная часть с хорошей дисциплиной. Кстати, почему вы им не дадите огнестрельного оружия, как вашим девицам-амазонкам – ведь это сильно подняло бы их эффективность?

– Это не мои бойцы, – отрицательно покачал я головой, – а просто попутчики, к которым у меня нет никакого доверия, и использовать я их собираюсь именно с тем оружием, которое есть у них сейчас. Давать им огнестрел будет слишком жирно, и слишком для нас опасно. Но чтобы вам было все понятно, я должен сначала кое-что вам рассказать...

И я вкратце изложил историю наших предыдущих походов, включая то, кто такой херр Тойфель и почему мы должны были его истребить, и какое ко всему этому отношение имеют тевтоны и бывшие жертвенные «овечки», из которых теперь я хочу сделать идеальных солдат.

Закончив повествование, я оглянулся и произнес:

– Игорь Петрович, мои и, соответственно, ваши будущие солдаты идут почти прямо за нами, вы только оглянитесь...

Майор Половцев обернулся, и первым, что у него вырвалось, было:

– Да ведь эти ваши девки едва таскают ноги! Сергей Сергеевич, как же я из них смогу сделать настоящих бойцов?

– По крайней мере, Игорь Петрович, они их таскают, и пеший марш в пару часов по ровной дороге выдержат спокойно. Видели бы вы их пару недель назад. Огромный, знаете ли, прогресс. Возили их тогда в тележке, а пройти самостоятельно две сотни метров было для них настоящим подвигом. Считайте, что вы имеете дело с тренировками пострадавших от тяжелого ранения, выздоравливающими под воздействием интенсивной терапии, причем процессы тренировок и выздоровления протекают параллельно.

– Допустим, Сергей Сергеевич, – кивнул майор, – хотя для меня кажется дикой сама идея готовить к военной службе девушек, тем более настолько истощенных девушек – но это мнение я оставляю при себе. Я предполагаю, что у вас просто не было другого выбора, и вы набрали контингент из того материала, который был под рукой, ориентируясь только на его лояльность. Я думаю, что, раз вы так поступили, то у вас имеется средство поднять физические кондиции этих девушек до приемлемого уровня, несмотря на их нынешнее истощение. Это так?

– Да, – ответил я, – такое средство у нас есть, и даже не одно. Во-первых – это старая добрая, но хорошо забытая для нас магия, в виде заклинания регенерации. Во-вторых – это специальный медицинский препарат из еще одного мира, именуемый «укрепляюще-направляющей сывороткой №1». В тамошней России через обработку этой сывороткой пропускают всех рекрутов подряд, без различия этих самых физических кондиций. Результат просто поразительный. Наши амазонки стали такими крутыми как раз в результате обработки этим препаратом. Только жрать после инъекций хочется просто невероятно, но это терпимая плата за быстрое уплотнение мышечной массы, увеличивающее физическую силу без увеличения объема и потери подвижности, двухкратное ускорение реакции, появление полноценного ночного зрения и некоторые другие приятные бонусы.

В уменьшенной дозировке эта сыворотка применяется и при лечении истощения. Так что не смотрите, что эти девицы из себя такие худые и выглядят так, будто их качает ветром. На самом деле после единичного курса препарата они ничуть не слабее своих сверстниц обычного телосложения, так что вы вполне можете приступить к занятиям. Разумеется, пока что в немного шадящем режиме. Еще дней через двадцать мы снова повторим курс этой сыворотки, закрепляя результат, и вот тогда вы сможете начать с ними занятия без всяких ограничений. В принципе, личный состав будущей бригады стойкий, не боится ни боли, ни трудностей; все они пережили такой ужас, что нормальному человеку покажется невозможным пройти через такое и сохранить здравый рассудок. А они его сохранили, и это вызывает у меня к ним огромное уважение. Так что физическими нагрузками вы их не запугаете – это можно сказать сразу.

– Очень хорошо, Сергей Сергеевич, – ответил Половцев, еще раз оглянувшись на бодро шагающих бывших «овечек», – если это так, то задача вполне решаема. А теперь скажите, какой вы видите организационную структуру будущей бригады?

– Все очень просто, – сказал я, – я командир бригады, а вы мой начштаба и начальник службы боевой подготовки. Три тысячи шестьсот, в настоящий момент имеющихся в двух условных полках, по числу ваших взводных, которые станут комбатами, делим на четыре батальона по девятьсот бойцов. Каждый батальон делим на пять рот по сто восемьдесят штыков, а каждую роту на пять взводов по тридцать шесть бойцов. Хоть родной язык для девочек – немецкий, но все они владеют основами русского и вполне способны понимать своих будущих командиров. Только юмор и настроения у них весьма своеобразные, потому что живут они так, будто каждый день может стать для них последним. Отнеситесь к ним как к своим младшим сестрам или любимым дочерям, и они потянутся к вам всей душой.

Сделав небольшую паузу, я добавил:

– Кстати, учтите, что в будущем взводы могут превратиться в центурии, увеличившись в численности до шестидесяти или даже ста двадцати бойцов, в зависимости от пополнения. Я понимаю, что такое соединение надо будет разбивать на полки, но для этого у нас по-прежнему остро не хватает командного состава, поэтому пока остановимся на схеме римского легиона.

Майор Половцев внимательно посмотрел на меня, потом кивнул.

– Вы рассчитываете, – сказал он, – на еще какое-то пополнение, и, как я понимаю, это будут те ужасные лесные хищницы, которых мне даже не хочется называть женщинами, из-за их устрашающего внешнего вида...

– Но как раз их внешний вид, то есть физические кондиции, – заметил я, – наиболее подходят для войны в лесу, и вообще для войны.

– Что да, то да. Но зато с ними может возникнуть проблема лояльности. Ведь эти, как вы их называете, дикие лилитки, совсем не обязаны вам спасением своей жизни и изменением своего социального статуса, в отличие от тех, кого вы называли «бывшими овечками». Они вам просто временные союзники, причем со своими тараканами в головах, и полагаться на их преданность – крайне легкомысленно.

– А мы и не собираемся полагаться на преданность большого числа диких лилиток. Я планирую завербовать большую часть пополнения как раз не из них, а из ручных сестер, под заклинанием принуждения служащих сейчас содомитянам. А эти за изменение своего статуса будут очень нам благодарны. Есть у меня один замысел, но это будет чисто магическая работа, смысл которой я пока не буду вам объяснять. Сперва мне нужно посоветоваться с коллегами. То небольшое количество диких лилиток, которое будет нам необходимо для укомплектования разведывательных взводов и спецназа, мы вполне сможем привлечь имеющимся у нас мужским контингентом. Насколько нам удалось выяснить, эти женщины очень падки на это дело, и готовы заниматься им в любых условиях, и с любым кондиционным для этого дела мужской. При этом такие красавицы, как у нас, вообще будут у них вне конкуренции. Но об этом мы поговорим немного попозже, по мере развития ситуации.

– А эти? – майор Половцев чуть заметно кивнул в сторону шагающих впереди нас тевтонских пехотинцев.

– Еще не знаю, – пожал я плечами, – но есть у меня такое предчувствие, что на следующий уровень Мироздания мы пойдем уже без них. Но это пока только предчувствие, и немного позже будет видно, насколько оно оправданно.

Мой собеседник повертел головой по сторонам, потом вполголоса спросил:

– Сергей Сергеевич, а как это так может быть, чтобы на людей охотились ради их кожи, будто на каких-то диких зверей?

– Скажите, Игорь Петрович, – спросил я, – вам знакомо такое имя, как Адольф Гитлер – возможно, Адольф Шилькгрубер?

– Вроде что-то припоминаю, – наморщив лоб, ответил майор, – кажется, это был такой немецкий модный художник середины прошлого века. Наши еще носились с ним как с писаной торбой, выставки в Москве и Петрограде устраивали, хвалили по-всякому. А как помер – будто отрезало. Картины – в запасники, будто и не было такого художника. Матушка моя, искусствовед в третьем поколении, говорила, что не понимает, как можно было вешать в Эрмитаже такую ужасную мазню.

– Все правильно, Игорь Петрович, – сказал я, – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы людей не жрало. В нашем мире и в некоторых соседних – вроде того, из которого происходили предки тевтонов – Адольф Гитлер был фюрером, то есть вождем германского народа, объявившим всех неарийцев недочеловеками и развязавшим самую ужасную истребительную войну в Европе за всю историю. Вот как раз при нем в германских концлагерях и практиковали такие ужасные рукоделия из человеческих шкур. Особенно ценились те, что с татуировками. Так что я вполне поверю в то, что местные содомиты, или как их, там практикуют то же самое, тем более что по имеющимся данным, они не брезгают и человеческим мясом. Даже наоборот – оно считается у них деликатесом. Отец Александр рассказывал нам об этом весьма подробно.

– Я думал, что это преувеличение или иносказание, – ответил посерьезневший майор Половцев, – попы обычно склонны пугать легковерную публику разными ужасами.

– Отец Александр, – сухо сказал я, – никогда не преувеличивает и никого не пугает. Все его рассказы точны, как донесения разведчика. Если он говорит, что содомитяне снимают с людей кожу и едят их мясо, значит, они и в самом деле так делают, а наша работа – пресечь эту скверну. Пресечь любой ценой, потому что каким-то путем господствующие здесь пороки распространяются и на соседние миры, отравляя при этом все Мироздание. Немного подумав, я задал следующий и последний вопрос:

– Кстати, Игорь Петрович, что за топливо требуется для ваших грузовиков, и на какой путь хватит оставшихся в их баках запаса горючего?

– Вроде, – ответил тот, – турбины жрут все, что горит – от спирта и растительного масла до соляра; хотя лучше всего воспринимает смесь спирта с керосином. Заправлялись мы с заправщика на полигоне – значит, в баках топлива должно быть еще километров на триста, а потом встанем.

– Хорошо, Игорь Петрович, – сказал я, – думаю, что спирт и растительное масло – это не такая уж проблема, которую невозможно решить. Короче, будем над этим думать и постараемся, чтобы ваши грузовики не остались без горючего.

Этот вопрос и ответ на него были последними, потому что впереди уже показалось похожее на китайскую пагоду сооружение, в воротный проем которого и ныряло это странное, мощное камнем шоссе. Мы уже почти пришли.

* * *

Тот же день. Вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

Мир этот был напоен ароматом благовоний, который испускали высокие, устремляющиеся прямо в небеса, деревья, и был полон самых разных опасностей, вроде той «миллой зверушки», которая пыталась сожрать капитана Серегина при первом нашем контакте с этим миром. Хотя нет, вру. «Милые зверушки» были сейчас где-то далеко, а вся возможная для нас опасность исходила именно от людей, если можно назвать так этих двуногих с повадками злобных гиен и вонючих скунсов. Я маг разума, и чувствую такие вещи буквально кожей.

Пока Серегин и отец Александр беседовали с местной лесной жительницей, которую звали Айной, я не спеша наблюдала за ней издали, лишь чуть скользя своим восприятием по краю ее мыслей. Примерно так же мы можем гладить по голове ребенка, едва касаясь ладонью края его волос. Но даже того, что я смогла ощутить, хватило для понимания главного – несмотря на впечатляющий вид лесной женщины, угрозу для нас представляет совсем не она, и ее сестры, которые сами постоянно подвергаются большой опасности, исходящей из больших городов, лежащих где-то далеко от этого места, на прибрежных равнинах.

Все самое интересное случилось уже после, в месте расположения нашего первого временного лагеря. Этот заброшенный город в джунглях совсем не выглядел таким уж заброшенным, потому что деревья росли там, где им положено, а отнюдь не взламывали своими стволами мостовую; на оштукатуренных стенах домов не наблюдалось ни одной трещинки, и даже черепица на крышах лежала так ровно, как будто была уложена только вчера. Так же как и на дороге на мощных камнях улицах не было ни травинки, ни пылинки, ни соринки. Казалось, что весь город за час до нашего приезда выдраили до блеска с мылом и щеткой. Архитектура строений в этом городе слегка походила на древнекитайскую. Наверное, это сходство создавали широкие выгнутые черепичные крыши-навесы, ярусами вздымающиеся над городскими строениями, отделяя один этаж от другого. Черепичные навесы такой же выгнутой формы покрывали даже тротуары.

Наверное, такую форму строений диктует жаркий экваториальный климат этого изнуряющее знойного места, когда находиться в полдень под прямыми лучами солнца кажется невыносимой пыткой. Пока мы шли от места высадки до города, я вся взмокла и чуть не закипела. Насколько предыдущий мир был теплым и душным, настолько этот был знойным в самом плохом смысле этого слова. Но стоило мне войти в тень, отбрасываемую крышей воротной башни и ощутить на себе дуящий в проходе ласкающий ветерок, то жизнь сразу стала для меня если и не прекрасной, то вполне приемлемой. Несмотря на то, что центр города находился на самой вершине пологого холма, и дорога все время вела только вверх, вверх и вверх, идти по ней было легко и приятно; ноги как будто сами несли меня вперед, в самом ближайшем времени обещая усталому телу отдых.

Кстати, и удивительная сохранность, и чистота этого города, и растительность, не торопящаяся стереть с лица земли признаки присутствия тут человека, а растущая в строго отведенных местах, как будто за ней ухаживают старательные садовники, и освежающе прохладный ветерок, дуящий в тени этих крыш – все это обеспечивалось мощными магическими заклинаниями, примерно такими же, какие были наложены на дорогу и переброшенные через реки мосты. Эти заклинания не потеряли своей силы за прошедшее тысячелетие – для сравнения достаточно было глянуть, в какой прах превратились не защищенные магией пригороды, где буйство природы не оставило и следа от былых строений, и только разведывательная аппаратура штурмоноса могла уловить под многовековыми наносами контуры мощных мостовых и фундаментов домов.

Сам город (или его уцелевшая центральная часть) не мог похвастать такими уж большими размерами. От главных ворот, через которые проходила дорога, до центральной площади замка с фонтаном путь занимал не больше четверти часа неспешного хода, то есть значительно меньше километра. Насколько я понимаю, там, в защищенном магией центре города, жили когда-то знатные и важные люди, ибо двух-трех этажные дома во внешней части внутреннего города, окруженные садами и парками, больше походили на городские особняки знати средней руки, а восемь одинаковых пятиэтажных дворцов-башен внутри цитадели создавали впечатление единого правительственного, или храмового, комплекса.

Интересно, что все сооружения в этом городе и сама планировка в плане были нарочито квадратными – это создавало впечатление, будто создатели этого архитектурного комплекса только что выучили, что такое квадратная планировка; и теперь, гордые этим фактом, ляпали ее к месту и не к месту.

В самом центре города был сооружен великолепный фонтан; от его красоты просто захватывало дух. Его струи поднимались на высоту раза в четыре больше человеческого роста, после чего падали с этой высоты в квадратную каменную чашу бассейна. Несмотря на палящее солнце, водяные брызги, в которых переливалась радуга, создавали возле этого фонтана ощущение неги и благорастворения. Хотелось сесть на бортик и зачерпнуть рукой прозрачной, чуть голубоватой пузырящейся воды. Но так случилось, что первым к этому фонтану подошел Димка, сделавший всем остальным знак не приближаться. Сначала, вроде бы как принявшись, он осторожно опустил в воду кончики пальцев, а потом некоторое время их разглядывал, вертя перед собой в лучах солнца, напоследок лизнув кончик одного из них языком.

– Анна Сергеевна, – негромко сказал он мне, обернувшись, – это совсем не простая вода...

– А какая, Дима, – спросила я, – неужели минеральная?

– Анна Сергеевна, – с укоризной произнес Димка, – минералы в этой воде, конечно, тоже есть, но основная ее составляющая – это совсем не они, а целый букет магических заклинаний. Я отчетливо воспринимаю оттенки регенерирующего, снотворного и наркотически-релаксирующего заклинания – и это, скорее всего, не все. Кроме этих заклинаний, в этой воде крайне много чистой магической энергии, а также имеется какое-то еще заклинание, которое я пока

не могу определить. Думаю, этот город не случайно выстроили вокруг источника магической воды. Построив тут фонтан, а вокруг него город, местные маги просто пытались использовать в своих интересах одно из мест силы этого мира. Скорее всего, это был такой курорт для восстановления сил истощенных магов-правителей. Надо позвать сюда Анастасию – скорее всего, это место силы относится как раз к ее стихии.

– Ай да Димка, ай да молодец, – подумала я, делая несколько шагов назад – туда, где притягательная сила фонтана почти не ощущалась, – мне только наркотических заклинаний не хватало для полного счастья. Понятно, почему мне так хотелось сесть на край этого фонтана и погрузиться в нирвану...

Кажется, я припоминаю, что существовали легенды о фонтане Вечной Молодости, дарующем такое сильное наслаждение, что никто из тех, кто его нашел, не может покинуть это место по доброй воле. Действительно, надо позвать сюда Анастасию – быть может, она лучше Димки разберется во всем этом.

Анастасия действовала совсем не так, как Димка, но, наверное, жрицам воды так и положено. Сняв свой камень с шеи, она взяла его за цепочку в правую руку и, вытянув ее в сторону фонтана, начала обходить его по сужающейся спирали, постепенно приближаясь к бьющему в небо струями воды источнику. Это походило на какой-то танец. Камень раскачивался и разбрасывал во все стороны фиолетовые искры. Струи воды, казалось, шумели в такт шагам Анастасии. При этом на самом верху фонтана – там, где вода, только что летевшая вверх, меняла знак своего движения на противоположный – сформировалось нечто вроде человеческой головы, внимательно следившей за кружившей вокруг нее жрицей воды. Или мне это просто показалось?

Но вот Анастасия подошла к фонтану вплотную и, легким движением запрыгнув на парапет, продолжила свой путь вокруг фонтана, описывая что-то вроде квадрата, так как бассейн был именно квадратной формы. Струи его еще больше заволновались, и из них высунулась прозрачная, сотканная из воды, мужская рука, которая поманила Анастасию к себе, в самую белопенную сердцевину. Жрица воды отрицательно покачала головой, легкими шагами продолжая обходить фонтан, мелко семеня по парапету. И вот наконец дух-хранитель этого источника решился и сделал шаг из фонтана навстречу остановившейся Анастасии. Живая рука из теплой плоти и призрачная из прохладной воды соединились в жесте знакомства и взаимного узнавания. Две фигуры – одна женская, живая, в блузке горчичного и юбке табачного цвета; другая мужская, обнаженная, сотканная из воды – на некоторое время застыли друг напротив друга, глядя глаза в глаза.

Потом дух фонтана сделал шаг назад и пропал в струях воды. Соскочила прочь с парапета и Анастасия, на ходу надевая на шею цепочку со своим камнем. К тому времени на этой площади собрались почти все наши, включая капитана Серегина, и эта сцена стала всеобщим достоянием.

– Вот и все, Анна Сергеевна, – сказала она, подойдя ко мне, – я обо всем договорилась. Дух этого Фонтана Жизни будет к нам благосклонен, обеспечив гостеприимство в своем городе. Теперь вы можете спокойно приближаться к этому фонтану, и его дух больше не станет пытаться одурманить вас, удерживая в своей власти, либо еще каким-то образом причинить вам вред. Кроме того, если мы подключим к воде купальни, то он сможет помочь в исцелении тех несчастных среди нас, которые страдают от истощения и прочих болезней...

– Очень хорошо, Настасья, – с облегчением произнесла я, и тут рядом с нами неожиданно возникла Лилия.

– Скажи, – необычно ласково сказала она, – этот самый дух случайно ничего такого от тебя не потребовал? Такие духи обычно не бывают большими альтруистами, и обязательно требуют себе что-то взамен. По их счетам очень трудно, а зачастую просто невозможно расплатиться.

– Ерунда, – отмахнулась от юной богини Анастасия, немного стыдливо отводя глаза, – мне это будет совсем не сложно, а ему, наверное, будет очень приятно. И вообще, Лилия, это мое личное дело, и попрошу не лезть ко мне с поучениями.

Так как мы с Анастасией обе были членами одной магической пятерки, то я отчасти ощущала, а отчасти понимала, что если даже Дух Фонтана и выдвинул к нашей маленькой Настасье какие-то требования, то они отнюдь не угрожали ни ее жизни, ни ее физическому и душевному здоровью. Поэтому я махнула Лилии рукой, чтобы та перестала донимать Анастасию своими вопросами; та подмигнула мне и скорчила рожицу. Затем я направилась к фонтану – проверить, как его дух держит свои обещания.

Дух держал их хорошо. Вместо наркотического оцепенения, как в первый раз, при приближении к журчащим струям меня охватило глубокое спокойствие и расслабленность, но при этом голова оставалась ясной, а мысли прозрачными. Наверняка приятно спать ночью у этого фонтана, вдыхая аромат мелкой водяной пыли и слушая музыку журчащих струй.

– Да, Анна, – произнес в моей голове вкрадчивый и обольстительный шепот, – вы с моей жрицей Анастасией можете пройти ко мне сразу вдвоем...

– Нет уж, спасибо, я лучше пешком постою, – ответила я, по вкрадчивому тону духа фонтана уже догадываясь, что он мог запросить с Анастасии в качестве платы. Измучился тут бедолага с содомитами – а ему женщину хочется, теплую и мягкую... И не одну к тому же...

– Разумеется, ты права, – беззвучно вздохнул дух, – когда меня призывали для служения этому источнику, то я абсолютно не представлял себе того, чем все это обернется. Века и века, скованный заклинанием принуждения, проводил я среди людей, чей образ жизни был мне отвратителен, и ублажал все их нужды, даже самые извращенные. Но и когда они исчезли, то лучше не стало, потому что окрестные лесные женщины, которые могли бы удовлетворить мою страсть, были не в силах войти во внутренний город, защищенный мощнейшими охраняемыми заклинаниями, а я был не в праве и не в силах отойти от источника, к которому оказался прикован.

– Бедненький, как ты намучился, – пожалела я духа, – но ведь и в самом деле я не могу прийти к тебе вместе с Анастасией – не мое это, понимаешь? Для такого шага нужны или большое отчаяние, когда уже все равно; или большая любовь, а у меня к тебе нет ни того, ни другого. Извини, если можешь.

– Понимаю и не обижаюсь, Анна, – ответил дух, – но у меня к тебе есть еще одна просьба. Снимите, пожалуйста, с внутреннего города защитные заклинания, чтобы, после того как вы уйдете и я снова останусь один, окрестные лесные женщины могли бы приходить ко мне для того, чтобы поклониться моей силе и изъявить свою любовь. Без этого мне снова будет одиноко. Когда-то их предки жили в казармах, построенных рядом с городом, и несли тут охрану; а теперь они одичали и, неприкаянные, ходят по местным лесам.

– Мы соберем свою пятерку и попробуем снять эти заклинания, – пообещала я, – но гарантировать ничего не можем. Кстати, если на городе стоит, как ты говоришь, мощнейшая защита, то я не понимаю, как мы сами могли пройти через его ворота и не заметить даже малейшего сопротивления? Наоборот, мне показалось, что нас встретили как долгожданных гостей и с почетом проводили на самые лучшие места.

– Это значит, – вздохнул дух, – что город устал быть ничейным и признал вас своими господами, и склонился перед вашей силой и разумом. Теперь вам значительно легче будет менять его заклинания для того, чтобы устроить здесь жизнь по своему вкусу. Но я-то уже знаю, что вы не собираетесь задерживаться тут надолго и скоро уйдете. От этого знания мне становится грустно и страшно.

Немного помолчав, дух фонтана продолжил:

– Когда за священной водой из моего источника приходят люди из нижних земель, бывшие когда-то врагами строителей этого города, то им приходится пробиваться через городскую

защиту силой заклинаний своих сильнейших магов. При этом им никогда еще не удавалось дойти до центральной площади, а воду они обычно набирают из малых источников почти сразу за главными воротами...

– А что, – спросила я, – существуют еще и малые источники?

– Да, – ответил дух, – вода, взлетевшая вверх и упавшая в чашу бассейна, по подземным трубам расходится к множеству малых источников, устроенных во дворе каждого дома во внутреннем городе. Ведет такая труба и в купальни, о которых я уже говорил. В них маги из правящей семьи принимали магические ванны, набираясь сил и поправляя здоровье. Купание прямо у меня в фонтане – это слишком интимный поступок, позволительный только тем, кто получил на это мое личное приглашение. Кстати, именно из-за труб с моей заряженной магией водой, создающих под городом целую сеть, вся его территория буквально пропитана магическими эманациями, от которых питаются как защитные и сохраняющие заклинания, так и управляющий ими дух этого города. Если ты разрешишь, то я приглашу его присоединиться к нашей беседе.

– Постой, – ответила я, – я не могу единолично решать такие вопросы. Если ты хочешь позвать духа города, то я тоже должна пригласить своих друзей, ведь мы с ними составляем единое целое.

– Зови их, Анна, – коротко ответил мне дух фонтана, – поговорим все вместе. Самое главное, чтобы среди них была та женщина – с духом огня внутри, и та, что прикидывается маленькой девочкой, и...

«Бабник он и есть бабник, – не без симпатии подумала я, – но мы об этом никому не скажем, если он сам не проболтается...»

* * *

Тот же день. Около полуночи. Заброшенный город в Высоком Лесу Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Тиха ночь на плоскогорье, с высоты четвертого этажа Башни Силы заброшенного города яркие звезды на темном небе кажутся такими близкими. Если выйти на опоясывающую этаж галерею и посмотреть налево, то на фоне неба, которое все же чуть светлее, будет виден похожий на китайскую пагоду силуэт Башни Мудрости; если посмотреть направо – то Башни Терпения, а прямо перед нами возвышается Башня Власти. Вот они – главные силы, двигавшие вперед общество гоморритян и содомитян, и задвинувшие его туда, откуда уже нет выхода – только гнев огненный и всеобщее уничтожение. Странная концепция, в которой не нашлось места Вере, Надежде и Любви. Хотя, если вспомнить, откуда выросли ноги и откуда руки, ничего странного в ней нет. Те, кто сознательно пошли против естественного порядка вещей, сами загнали себя в тупик.

Позади меня, раскинувшись великолепным телом на смятых шелковых покрывалах, спит самая роскошная женщина из тех, которых я знал, и одновременно моя супруга Елизавета Дмитриевна Волконская. Релаксация в магических ваннах и массаж струями воды сняли усталость и привели нас в такое бодрое состояние, что, закончив эти процедуры и поднявшись в предоставленные нам покои, мы бросились в объятия друг друга, и без усталости терзали свою плоть в безудержном сексе до самой глубокой ночи. Кстати, здесь, в башнях Правителей, в отличие от остального города, сохранились не только сами здания, но и их богатая внутренняя обстановка, которая могла бы сделать честь и царскому дворцу, и дорогому борделю.

Насколько я понял объяснения явившегося перед нами городского духа, время в этих помещениях идет, только когда внутри кто-то есть, а стоит людям выйти, так оно немедленно останавливается, а внутренняя обстановка в комнатах автоматически приводится в исходное состояние; разумеется, за исключением тех вещей, которые постояльцы принесли с собой из

внешнего мира. И вообще, существуют ли на самом деле все эти лежа, шкафы, стулья, полотенца, покрывала и прочее, как говорится, на физическом уровне, или это только материализованные заклинания, доступные нам в ощущениях? Здесь, где от магии буквально звенит воздух, такой фокус вполне возможен. Вот скажет кто-то: «крекс, пекс, фекс», дернет волосок из бороды – и выяснится, что на самом деле король-то голый. Но это я так шучу, потому что развеивание материализованных заклинаний – это занятие куда более сложное, чем даже их создание...

Но самая интересная ситуация сложилась тогда, когда мы прибыли на место, колонны остановились и майор Половцев побежал объяснять своим сбитым с толку подчиненным, где и каким образом они оказались, и под чьим командованием им предстоит служить; а также кем, в свою очередь, предстоит командовать. Непонимание, недоверие, осознание, шок – вот выражения, последовательно сменявшие друг друга на лицах командиров и курсантов, прибывших к нам из Советской России.

Кстати, еще один штрих, отличающий их историю от нашей – вся территория бывшей Российской империи включена в единое государственное образование, включая Финляндию, а СССР там – это Советская Россия плюс Манчжурия, Монголия, Уйгурия, Корея, Венгрия, Валахия, Чехия и Словакия. Елизавета Дмитриевна, поговорив сначала с майором Половцевым, а потом и со мной, сказала, что если считать наш вариант истории эталонным, а все прочие модернизированными, то тогда во всем произошедшем точно видна рука «старших братьев», одного из которых искусственный интеллект штурмоносца признал в вашем покорном слуге. Но это так, к слову; а пока вернемся к нашим баранам, то есть курсантам.

Без смеха и слез на эту сцену смотреть было нельзя, потому что битых жизнью сержантов, по рекомендации командования направленных для обучения в училище, среди курсантов насчитывалось не больше трех десятков. А остальные – молодые мальчишки, только-только недавно оторвавшиеся от мамы – бледнели, краснели, не зная что сказать, глядя на худых как скелеты, хмурых бывших «овечек», уставших после пешего марша. Те тоже были немало смущены такой коллизией и отвечали своим будущим командирам таким же недоумением и легким неприятием. До сих пор добра от противоположного пола бывшие «овечки» не знали, и ничего хорошего от нового начальства тоже не ожидали, тем более что знание русского языка было у них самым поверхностным, ибо Лилия никогда не отличалась глубиной и тщательностью в своих обучающих заклинаниях.

Но все-таки мы все, независимо от мира происхождения – люди военные, которые обязаны выполнять приказ в любой ситуации, невзирая на обстоятельства. Поэтому, когда прошел первый шок и трепет, майор Половцев скомандовал взводным, которые стали комбатами, те в свою очередь взяли за бывших сержантов, которым была судьба встать на роты, а уж те взяли за новоиспеченных взводных и подчиненный им рядовой состав. И все завертелось; тем более что во дворах их нового расположения дымились уже двигавшиеся за нами в обозе полевые кухни; и армейский порядок жестко брал свое, строя и равняя ряды. Помогло как то, что бывшие «овечки» хорошо умеют подчиняться командам, так и то, что накрученные майором Половцевым и комбатами, новоиспеченные взводные и ротные поначалу обращались с ними бережно, как с хрупкими фарфоровыми статуэтками. Ну а потом случилось то, что обязательно и должно было случиться.

К размещенным во внешней части внутреннего города, по левую сторону от главной дороги, «овечкам» и их новоиспеченным командирам заявили стильные и гладкие амазонки из нашей роты спецназа – знакомиться с курсантами и их командирами, и ангажировать себе на ночь кавалеров. А то же новенькие парни из верхних миров – молодые, отборные, пригожие; как же не обмять их в первую же ночь в жарких объятьях любительниц сладкого? Несмотря на то, что еще час назад они относились к своим новым командирам с настороженностью и отчуждением, в бывших «овечках» тоже разыграло ретивое. Как же – их командиры в первую

же ночь уйдут ночевать к чужим девкам, оставив своих новых подчиненных в полном одиночестве? Да ни в жисть!

По-настоящему серьезного конфликта не произошло только потому, что амазонки на самом деле перегнули палку. Это там, в мире «Подвалов», им стоило только поманить пальцем почти любую понравившуюся особь мужского пола, и та на цыпках бежала следом узнать, чего понадобилось госпоже; но тут такой фокус не прошел, как не прошел бы он с любимым из нас. В ответ на грубые заигрывания амазонкам на вполне понятном казарменном жаргоне было указано, что им стоит погулять по другую сторону улицы, а здесь таким не подают. По другую сторону улицы разместились тевтоны, но там амазонки гулять отказались. Вместо этого они гордо удалились к себе во внутренний двор с фонтаном, где их рота повзводно располагалась на первых этажах всех четырех башен; а на горизонте уже показались разъяренные их выходкой Змей, Док, Ефимия и, самое главное, Кобра, которую они боготворили. Я просто уверен, что теперь невероятно большое их количество подкатит к известной вам Агнии (которой все же удалось окрутить Змея), с вопросом о том, как правильно захомутать себе мужчину из верхнего мира. Учитесь соблазнению, девочки, кавалерийские наскоки у вас тут не пройдут.

Кстати, как и сказал дух фонтана, в каждом доме во внешней части внутреннего города тоже были свои небольшие фонтанчики – не такие огромные, как тот на центральной площади, но и не такие маленькие, как питьевые в наших парках; и вода в них была с теми же свойствами, что и в главном фонтане, но в то же время все же ниже классом. Как объяснил мне Колдун, все это из-за того, что значительная часть ее магии уже была использована для поддержания общегородских заклинаний и существования самого духа города, управляющего всем этим хозяйством. Кстати, дух этот мне не показался. По-моему, в отличие от духа фонтана, он такой же нетрадиционно ориентированный, как и его бывшие хозяева, и в присущей этому типу личностей манере: пресмыкается перед сильным, и готов растоптать слабого. Тьфу ты, мерзость.

Но не будем о грустном. Ночь сегодня особенно хороша, несмотря на то, что на небе нет луны, а двор внизу освещают лишь только фосфоресцирующие разными цветами струи главного фонтана. Как я понимаю, у каждого заклинания свой цвет, а все вместе они образуют великолепную цветомузыку, отбрасывающую разноцветные блики на светло-серые стены башен Правителей. Ну ладно, пора под бочок к жене и спать. Утро вечера мудренее, да и дел завтра тоже будет немало. Мы тут неплохо устроились, но организационные вопросы далеко еще не все решены – одним словом, работы хватит.

* * *

Тогда же и там же. Башня Мудрости. Жрица и магиня воды и воздуха Анастасия

Когда амазонки, квартирующие на первом этаже нашей Башни Мудрости, узнали о том, что дух фонтана не просто мужчина, но еще и интересующийся женским полом, то изрядно оживились. Сегодняшняя попытка заполучить к себе на ночь кавалеров сорвалась из-за их избыточной прыти, и теперь они просто не знали, куда себя деть. И я решила – пусть они тоже сходят после меня к фонтану. Что-то подсказывало мне, что Дух будет совсем не против... Я не стесняюсь этих девиц – столь же бесстыжих, сколь отважных, и умеющих хранить тайны. Но я не хочу, чтобы о моем сегодняшнем купании в фонтане знало бы хотя бы одно лицо противоположного пола. Поэтому, пока я буду заниматься водными процедурами, амазонки будут наблюдать за обстановкой, а после настанет уже их очередь...

Но, как назло, капитан Серегин, пресытившийся на супружеском ложе, стоит и смотрит в окно, не желая отходить ко сну. Нет, он совсем не подглядывает. Во-первых, он для этого стоит слишком открыто, а во-вторых, его мысли текут слишком далеко от меня, то обвиваясь вокруг его супруги, то склоняясь к завтрашним делам. Вот он зевнул, и, отвернувшись от окна,

пропал в темной глубине комнаты. Наверное, пошел спать, как и его жена. Настало время моего выхода на сцену...

С распущенными по спине волосами и в одном простом белом халате, под которым нет ничего, кроме висящего на цепочке камня, я мелкими семенящими шагами перебегаю через двор. У самого фонтана я сбрасываю халат и вскакиваю на парапет. Две призрачные руки протягиваются ко мне из струй фонтана, хватают меня, обнимают и тянут вглубь, к себе. Я спрыгиваю в бассейн, тут же оказавшись по пояс в воде, делаю еще два шага, нащупывая босыми ногами каменные ступеньки – и вот я уже стою среди светящихся разными цветами струй, одни из которых тугими потоками бьют вверх, а другие падают вниз, рассыпаясь по пути мелкими каплями. Мой сотканный из воды любовник охватывает мое тело этими струями-руками – и меня пронзает первый приступ неземного блаженства, за ним еще и еще...

Дальше я помню только то, как я, подобрав халат, голая и мокрая, иду, ступая босыми ногами по теплым камням мостовой обратно к Башне Мудрости. Меня окутывает блаженство и нега. При этом висящий на цепочке камень горит меж моих грудей ярко, как электрическая лампочка на рождественской ёлке. Мне навстречу бегут обнаженные стройные и гладкие амазонки, торопящиеся окунуться в струи волшебного фонтана. Наверняка его дух подвергался групповому женскому изнасилованию впервые за все время своего существования...

* * *

Тот же день и час. Город Ашор примерно в 300 километрах на восток от Высокого Леса

Боевой маг и городской правитель Мел си Хил-Дек

Город Ашор, расположенный у слияния двух полноводных рек, стекающих с плоскогорья – Великой и впадающей в нее Быстрой – некогда был центром провинции объединяющей несколько речных долин, да и сейчас, оставался одним из крупнейших городов-государств этого региона. Именно через Ашор проходила Великая Дорога из запретного города Ниц в столицу бывшей империи Гоморру, построенная ее древними правителями еще в незапамятные времена. Прямая как стрела, и ровная, как хорошо оструганная доска, она позволяла при использовании легких колясок и быстроногих беговых зуммов, сменяемых на почтовых станциях через каждые два парасанга, всего за два световых дня покрывать расстояние от Гоморры до запретного города Ница или обратно (примерно 600 километров). Понятно, что такой метод передвижения был доступен исключительно членам правящей семьи и их ближайшим приближенным.

Да и город Ниц не зря называли запретным. Его построили в незапамятные времена основатели Гоморрианской империи вокруг фонтана священной волшебной воды, дарующей вечную молодость, исцеление от всех болезней, а также по выбору особо ясное сознание, или невыносимое блаженство. С тех пор как началось строительство запретного города, доступ к фонтану был ограничен только магами правящей династии гоморрианской империи, их ближайшими приближенными и теми людьми, кому Правители хотели выказать свое величайшее расположение.

Потом империя пала, а город Ниц так и продолжил оставаться закрытым мощнейшими защитными заклинаниями, через которые могли проходить только Правители бывшей империи и их гости. Ни тех, ни других давно уже не существовало в природе, и правящим магам Ашора и союзных с ним более мелких городов-государств приходилось пробиваться через эту защиту силой своих контр-заклинаний. При этом проникнуть для того, чтобы набрать священной волшебной воды, им удавалось только в самый внешний круг, даже и не мечтая о том, что удастся добраться до Первоисточника Силы, дарующего вечную молодость и красоту.

Правящий маг Мел си Хил-Дек был очень стар, разменяв вторую сотню лет, и без глотка священной воды, сделанного с утра натошак, его уже не посещали мудрость и терпение, необходимые для занятия магией, и не радовала смазливая красота эфебов. Без глотка священной воды с утра даже зрелище кровавых казней, которым подвергали пойманных в лесу диких баб и разных ослушников, вызывало у старого мага не сексуальное возбуждение и желание усадить на коленки молоденького эфеба, а только пресыщенность и апатию. Мел си Хил-Дек знал, что вслед за пресыщенностью и апатией обычно приходит смерть, и поэтому тщательно следил за тем, чтобы священной воды в его кувшинах всегда было достаточно. Ведь если он умрет, то к власти придет его племянник Саул, эта бестолочь, которая не может составить и простейшего заклинания, пригодного для выведения вшей у рабочей скотинки – и тогда город Ашор обязательно постигнут величайшие бедствия.

И вот, кажется, это уже начало сбываться. Последний кувшин был пуст уже наполовину (а значит, подошел срок очередного похода к запретному городу, в преддверии которого вокруг Ашора уже встала лагерем небольшая сборная армия вассальных ему городов-государств) когда сегодня в полдень старика пронзило предчувствие чего-то невероятно ужасного. Как будто раскрылась дверь на покрытых вечным льдом вершинах гор, и оттуда в бело-голубом сиянии ледяной стужи выглянул древний и смертельный враг, божество, ненавидящее всех содимитян, один раз уже изгнавшее их с прародины в этот знойный и бестолковый мир.

Мел си Хил-Дек выпил дополнительно священной воды и немедленно бросился составлять гороскоп; но, сколько бы он ни перепроверял его результат, каждый раз выходило одно и то же – ужасные бедствия и разгром, после которого всех их ждала неотвратимая гибель. То, что вошло через раскрывшуюся дверь, обладало таким могуществом, что сопротивляться ему не было никакой возможности. То есть, возможность сопротивления была, но конечного результата этого не меняло. И что самое страшное – та дверь между мирами раскрылась прямо на Великой Дороге, совсем недалеко от запретного города Ниц, и теперь маги Ашора и вассальных ему городов не смогут пополнить свои запасы и поправить свое благосостояние, продав излишки священной воды другим магам за очень большие деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.